

Шесть королевств

Андрей Егоров

Стерпор

«Автор»

2003

Егоров А. И.

Стерпор / А. И. Егоров — «Автор», 2003 — (Шесть королевств)

Быть самым умным ребенком в королевской семье, выделяться среди своих братьев многими талантами, пользоваться всеобщей любовью окружающих... и оказаться лишенным наследства! Участь, которой не позавидуешь. Его путь тернист: его преследуют братья, его преследуют тяжелые думы, его преследует разноплеменная нечисть... Его сподвижники – обладающий титанической силой идиот и вечно путающий заклинания колдун. Но Дарт Вейньет, принц, лишенный наследства, знает, что будет королем Стерпора!

© Егоров А. И., 2003

© Автор, 2003

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	23
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	31
ГЛАВА ПЯТАЯ	39
ГЛАВА ШЕСТАЯ	47
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Андрей Егоров Стерпор

*Я вижу горы и равнины,
моей Белирии покой,
леса, озера, рек стремнины...
и как рождается ГЕРОЙ.
Он храбр с младенчества, отчаян,
легко шагает по земле.
Он счастье отыскать не чаёт,
он жаждет власти с юных лет...
Но то, что ищет, ускользает,
надежды превращает в прах
отца безумье. Быстро тает
наивность детская в глазах...
Судьба не даст ему пропасть.
Герой границы королевства
пересекает... Будет власть
в руках Лишенного Наследства.*

... Пурпурный плащ развевался за широкой спиной всадника. Со скоростью ветра мчался он на лошади вороной масти к границам королевства Стерпор. И в лице всадника, и в его величавой осанке, и даже в том, как твердо держал он повод – буквально во всем читалась истинно королевская стать, ибо был это не кто иной, как величайший и мудрейший владыка Белирии Дарт Вейньет. Да простит меня его светлость за то, что столь недостойный муж, как я, дерзновенно упоминает всуе сие драгоценнейшее для всех нас, его подданных, имя...

Из записок летописца Варравы, год 1455 со дня окончания Лихолетья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В ней рассказывается о том, как особе королевской крови следует поступать в почти безвыходной ситуации

Дорога вся была сплошные ямы да рытвины. Они исчезали во взвивающихся из-под копыт лошади тучах желтой, скрипящей на зубах пыли. Пыль забивалась за воротник, в глаза и особенно в нос, так что постоянно хотелось чихать и кашлять. Впереди метушейся линией ширился горизонт – горы беспорядочно теснились заснеженными вершинами и наползали друг на друга скалистыми уступами. Лошадь давно уже надсадно храпела и закусывала удила, но я был неумолим и заставлял ее мчать во весь опор: вскоре должны были появиться постройки пригорода, а оттуда до столицы бывшего герцогства Стерпор рукой подать. Там и отдохнем и расслабимся. Скрипучее седло давно уже доставляло мне изрядное неудобство – проще говоря, от долгой дороги я изрядно натер задницу, а плотные кожаные ремешки настолько глубоко врезались в ладони, что я стал ощущать их прямым продолжением рук.

Физически и морально мне было так нехорошо, что меня не согревали даже мечты о том, как я куплю в первой же аптеке мазь от мозолей и найду какую-нибудь красотку, которая часами будет втирать ее в большую задницу. Я нисколько не сомневался, что желающих будет предостаточно.

Свист ветра и стук тяжелых копыт почти заглушали посторонние звуки. Но из полей доносился пронзительный стрекот кузнечиков – целые тучи быстрых насекомых взвивались в воздух, издавая пронзительные звуки узкими крыльями, да еще порой с диким клекотом пролетала над головой черная птица или ее быстрая тень.

Поскольку я очень спешил, то почти не обращал внимания на насекомых и птиц, но одна из них несколько замедлила мое продвижение к Стерпору, когда вдруг спикировала и напала на меня. Я уловил биение крыльев над головой, резко вскинул голову и в то же мгновение увидел хищного гиппогрифа с ядовитым жалом в клюве. Оно выползло на несколько дюймов и было нацелено мне в шею. Гиппогриф совершал круговые движения и издавал слабый плотоядный клекот. Действовал он вполне уверенно, наверное, частенько охотился на этой дороге, обездвигивал путешественников ядом и заклевывал их до смерти.

«Глупая птица, она еще не знает, с кем связалась: потомственный принц дома Вейньет никогда не погибнет от яда какой-то летучей твари!» Я ухватил меч, привешенный к поясу, и резко рванул его из ножен. Он блеснул на солнце, и в то самое мгновение, когда гиппогриф, наконец, камнем рухнул на меня, я совершил стремительный взмах и рассек его птичье тело напополам. Останки тут же смешивались с дорожной пылью. Позади послышался шум: это маленькие плотоядные грызуны рвали искалеченное птичье тело. Я вытер меч о лоснящуюся спину лошади и спрятал его в ножны. Мы стремительно приближались к Стерпору, столице королевства с одноименным названием...

В жизни мне сопутствовали сплошные тяготы и разочарования. Судьба с ранних лет была ко мне неблагоприятна, как, впрочем, и мой покойный родитель. Достаточно сказать, что благодаря его отцовской воле до недавнего времени мне приходилось зарабатывать на жизнь грабежом. Я возглавлял одну из многочисленных бандитских шаяк Белирии. Мы опустошали караваны и грабили обозы купцов в пределах южного торгового тракта. Того самого, что сейчас проходит через королевство Гадсмит. Частенько случались столкновения с коллегами по ремеслу... Да и кое-кто из моих собственных разбойников иногда решал, что вполне мог бы занять место главаря банды. Надо ли говорить, что все эти честолюбцы давно мертвы.

Спустя некоторое время я вдруг понял, что для такой личности, как я, путь преступника слишком примитивен. К тому же бесконечные грабежи рано или поздно должны были завер-

шиться плохо – нас непременно отловили бы и отправили на каторгу, а может, даже повесили. А потому, чтобы не закончить свои дни столь плачевно, я предпочел распустить банду и в одиночестве отправиться за исполнением собственного предназначения. Благо в голове моей к тому времени уже родилась блестящая идея, как я смогу обеспечить свое будущее и даже добиться полагающегося мне по праву рождения статуса...

Путь мой теперь лежал в королевство, чьи «достоинства» я имел несчастье оценить еще в детстве. Воспоминания о бывшем герцогстве Стерпор были пронизаны неприязнью к этому грязному, омерзительному месту. Помнится, когда тот давний визит завершился, я был безумно счастлив, воображал даже, что покидаю это место навсегда. Впрочем, где-то в глубине души я всегда знал, что мне придется однажды снова пересечь границы омерзительного Стерпора и в далеком будущем пытливый историограф прочертит фиолетовую линию моего перемещения через прерывистые красные, означающие границы герцогства, и глубокомысленно закивает седовласой головой.

От этой местности я ждал многого: рассчитывал, что она станет моим оплотом, что здесь я найду верных слуг и сподвижников, подготовлю военный плацдарм для дальнейшего продвижения на восток. Еще я питал смутную надежду заручиться поддержкой одного из моих омерзительных братцев...

Лошадь в очередной раз споткнулась, и я перевел ее на рысь. Ключья пены падали с усталой взмыленной морды. Впереди показалась деревушка – несколько деревянных домиков и колодец с длинным шестом... Нос мой уловил странный резкий запах, но я не придал ему особого значения. Мало ли как воняют деревушки по всей Белирии. Если принохиваться к каждой, можно вообще остаться без ночлега и ужина. Подъехав ближе, я спешился, лошадь едва не падала, ее бока часто вздымались и опадали.

«Надо все-таки дать ей передохнуть. Может быть, даже окатить водой, чтобы немного пришла в себя. Пить ей, пожалуй, не стоит – слишком устала».

Я оперся о край колодца и заглянул внутрь. Ведро не было вовсе, да и воды, похоже, тоже, зато на самом дне я различил пару ярких угольков – красные глаза какого-то существа смотрели на меня пристально, не мигая. Я вздрогнул, отскочил назад и внимательно пригляделся к домикам. Судя по всему, хозяева давно покинули свои жилища. Только сейчас я приметил, что створка одного из окон висит на одной петле и покачивается на ветру, издавая слабый скрип. Доски ближайшего ко мне крыльца прогнили, перила лежали рядом с лестницей, их покрывал зеленоватый мох. А половина одного из домиков и вовсе завалилась, обнажив пустое пространство комнаты. Что – то там внутри привлекло мое внимание, я пригляделся и различил, что это часть тела, точнее посиневшая нога давно умершего человека. Странный запах, царивший в этой местности, стал для меня очевиден – это был запах разложившихся тел. Хозяева домов никуда не уехали, они были убиты.

Я поспешно вскочил в седло, но что-то заставило меня обернуться к колодцу. На сруб, быстро перебирая руками и ногами, вскарабкался вилис, точнее вскарабкалась, потому что у адского создания было почти совершенное женское тело, расплетенные белесые волосы длинными прядями висели за ушами. Вилис глядела на меня и облизывала растрескавшиеся губы. Должно быть, она давно ничего не ела.

«Бедняги, – подумалось мне, – теперь понятно, что произошло с жителями деревушки. Она убила их, выпотрошила тела и съела внутренности. Интересно, почему король Стерпора до сих пор не прислал сюда отряд королевской стражи, чтобы расправиться с этим созданием? Глядя на гладкий девичий живот и округлости маленьких плотных грудей, я странным образом ощутил возбуждение. Фигура у нее была самая что ни на есть аппетитная. Потом взгляд мой встретился с красными угольками ее звериных глаз, и возбуждение мгновенно прошло – теперь я ощущал только трепет и страх, который холодной рукой внезапно забрался мне за шиворот. Я резко хлестнул лошадь, но она не тронулась с места, а, повернув морду, заворуженно гля-

дела на адское создание, потом вздрогнула всем телом, фыркнула, так что из ноздрей полетели кровавые брызги, а из горла ее вдруг хлынул бордовый поток. Лошадка моя стала заваливаться на бок, и я едва успел отпрыгнуть в сторону. Вилисы имели странную власть над животными.

Я выхватил меч, намереваясь защищаться, но вилис накинута на лошадь. Одним прыжком она преодолела разделявшее их расстояние и жадно присосалась к шее. Кровь из прокушенной артерии фонтаном брызнула ей в лицо, и она завизжала от восторга, все глубже вгрызаясь в теплое мясо. Ко мне вилис мгновенно потеряла всякий интерес. Наверное, выбирая между двумя мясными блюдами, она предпочла лошадь – в ней было куда больше крови.

Я посчитал лучшим поспешно кинуться прочь по дороге, ведущей к Стерпору, благо до столицы королевства оставалось совсем недалеко. Это расстояние я вполне мог преодолеть на своих двоих. Я оглянулся напоследок и увидел, что вилис тащит лошадь к колодцу. Как она будет запихивать массивную тушу внутрь, наблюдать мне совсем не хотелось. И куда смотрит королевская стража? – подумал я снова и прибавил шагу...

Как я уже говорил, судьба всегда была ко мне неблагоприятна, вот и весь долгий путь до столицы королевства Стерпор меня преследовали неприятности. Сначала меня пытались ограбить на постоялом дворе, но изощренное фехтовальное мастерство помогло мне быстро расправиться с нападавшими. Потом у меня начался приступ жуткой простуды, но благодаря хорошей наследственности и крепкому здоровью я быстро выздоровел. На меня напал гиппогриф, но врожденная реакция позволила мне мигом разрубить его напополам. Кровожадная вилис съела мою лошадь, невелика потеря – лошадь уже была загнанная. Одним словом, со всеми этими неприятностями я разобрался довольно легко. И уже представлял себя настоящим героем, которому не страшны трудности. Но вскоре мне суждено было разочароваться в своей самоуверенности. Венцом уготованных мне злым роком испытаний стало происшествие на базарной площади, когда я уже миновал городские ворота и бодро шагал по каменной мостовой, насвистывая веселый мотив. Как только я очутился на центральной площади и, улыбаясь во все лицо, принялся осматриваться, интересуясь в основном местными красотками нежели красотами, вокруг меня неожиданно возникла странная давка. Народ куда-то спешил и толкался, кто-то проговорил: «Да посторонитесь же вы!» С присущей мне отзывчивостью я постарался исполнить просьбу неизвестного и отошел в сторону. Давка мигом прекратилась, народ разбежался, и я оказался на площади в одиночестве. Тут же у меня возникли смутные подозрения, я схватился рукой за поясной ремень и понял, что тугой кошель, набитый золотыми монетами, безвозвратно исчез. О нем напоминали только две жалкие, перерезанные неизвестным злоумышленником веревочки, которыми кошель был прикреплен к поясу. Когда? Как? Кто мог это проделать с такой ловкостью и изяществом? Я принялся озираться с самым озадаченным видом. Потом понял, что недавняя толчея была организована специально. Как назло, я не заметил лиц негодяев.

Когда-то давно этот кошель мне подарила влюбленная в меня кокотка по имени Илона. У нее были желтоватые глаза и удивительно криво растущие зубы. Ее внешность не вызывала у меня больших эмоций, но подарки тем не менее она дарила что надо. Поэтому я общался с ней довольно долго. На кошеле Илона вышила мой вензель, изящно свитые буквы Д и В – Дарт Вейньет.

«Ну что ж, – подумал я, – если я лишился средств к существованию, значит, мне ничего больше не остается, как взяться за старое». Не скрою, я бывал в ужаснейших ситуациях и весьма неприглядных местах, честность моя много раз подвергалась сомнению, и множество раз я подвергал ее сомнению сам. И все же всегда так неприятно вставать на этот путь – путь обмана и насилия. Оно несколько претит моему трепетному, отзывчивому сердцу. Подумать только, потомственный принц дома Вейньет вынужден добывать себе пропитание путем афер и грабежей».

– День добрый всем, господа, – снимая с головы пыльную шляпу, я вошел в первую же попавшуюся мне на пути таверну, – и, конечно, дамы!

Унылые лица пьяных «господ» и безыскусно намазанные лица «дам»... Впрочем, дамы всегда дамы, даже такие...

Унылые лица пьяных «господ» и безыскусно намазанные лица «дам» повернулись ко мне, послышался хриплый кашель, но ни единого слова приветствия в ответ я так и не услышал. Глаза их были пусты, как и души... Ладно, что с них возьмешь? Я всегда говорил: «Если врожденной культуры нет – прививать ее бесполезно. Это может затянуться на века». А откуда, спрашивается, взяться культуре в Стерпоре? Происхождение этого дикого, донельзя простого народца давно у всех на слуху. Когда мой покойный папаша основал здесь Академию наук, один из местных ученых выдвинул теорию, проливающую свет на культурные традиции жителей Стерпора. Оказывается, они произошли от обезьян. Как ему удастся жить в Стерпоре, да еще и поддерживать свой авторитет, почему общественность до сих пор не заткнула ему рот, остается загадкой. Вообще говоря, странно даже, что ученый муж до сих пор цел. Нравы здесь царят такие, что за кружку светлого эля могут запросто выбить коренной зуб. Да что зуб, одному несчастному, выхлебавшему чужой эль, прямо у меня на глазах прищемили дверью детородный орган. Боже, как он кричал!

Если бы вы только знали, какую серьезную травму зрелище его страданий нанесло моему, только еще формирующемуся в те времена сознанию. Да уж, мой первый детский визит в Стерпор был весьма познавательным. Помнится, я в сопровождении королевской стражи шел по улице и наблюдал перебранку местных граждан, которые гортанно выкрикивали друг дружке грязные ругательства и оглушительно сморкались, зажимая одну из ноздрей. Меня прошиб холодный пот. «Неужели, – думал юный я, – и это есть народ, которым управляет папа?» Да, это был его народ. Народ короля Бенедикта, народ великой державы Белирии...

Дамы мною всегда интересовались, а потому, как только я присел за свободный столик, две из них почти подбежали – вот какое желание немедленно пообщаться я у них вызвал! Они придвинули стулья и, лукаво поглядывая на меня, устроились напротив. Одет я был весьма и весьма представительно. Короткие светлые штаны из мягкого холста – такого в Стерпоре не найдешь, рубашка свободного покроя с рукавами из темной замши – мне шили ее на заказ в Танжере, высокие кожаные сапоги и пурпурный плащ, на застежке которого поблескивал фальшивый самоцвет. Но попробуй догадайся, что он фальшивый! Самоцвет совсем как настоящий. В особенно тяжелые времена я пару раз даже закладывал его под видом настоящего – и выручал неплохие деньги. Потом камень ко мне возвращался, но деньги я уже успевал потратить. Дополняла картину широкополая шляпа. Она конечно, запылелась, но была еще охо-охо как ничего! Бедняжки, должно быть, не знали, что одеяние не всегда соответствует благосостоянию, и любой бедолага в лохмотьях может быть богаче принца, особенно если он только что срезал у этого принца тугой кошелек.

О темные боги, поймать бы этого гадкого вора, который заставил меня вернуться на скользкий путь, насадить на вертел и медленно поджаривать под его громкие, исполненные неудовольствия крики...

– День добрый, – радушно сказал я.

Приветствия всегда были моей слабостью, за день я мог поздороваться с одним и тем же человеком десятков раз и совершенно не устать от этого. Мне кажется, приветствия сближают, примиряют людей, ты становишься ближе им, а они тебе. Когда ты их поприветствовал, они словно становятся на твою сторону. А сторонники в моем нынешнем положении были мне нужны до чрезвычайности. Они должны помочь осуществлению моих честолюбивых замыслов, а я, в свою очередь, помог бы им...

К столику медленно приблизился унылый хозяин с отвислыми ушами и вывернутой нижней губой. Ногами он шевелил очень нерасторопно. Возможно, в юности его поразило какое-

нибудь жуткое заболевание из числа неизлечимых и навсегда изувечило беднягу. Впрочем, в болезнях я был не слишком сведущ, а нашего домашнего доктора заколол еще в возрасте шестнадцати лет, потому что противный старикашка вечно доставал меня криками: «Боже мой, Дарт, ты не вымыл руки перед едой..» Мой не в меру суровый отец, странное дело, разделял его нездоровые взгляды на гигиену, но, когда с доктором случилось несчастье, бранился недолго, а потом взял другого. Тот, узнав, что произошло с его предшественником, никогда не просил меня мыть руки и умываться ледяной водой по утрам, был со мной как никто любезен и даже заслужил мое искреннее расположение... К тому же новый доктор был весьма охоч до азартных игр, так что свое незначительное жалованье он всегда проигрывал мне а потом ходил за мной по пятам и канючил: «Дарт, ссуди старику еще один медячок...» И я ссужал, потому что у меня, как я уже говорил, отзывчивое сердце: должен же он был на что-то покупать светлый эль и наркотическую травку дурилку, которую, посмеиваясь, покуривал за амбаром. Эх, что и говорить, новый доктор был замечательный человек. Жаль, что потом он чрезмерно увлекся дурилкой, принял моего отца – короля Бенедикта за меня и завел свою обычную песню: «Ссуди старику медячок! Ну ссуди!» Бенедикт приказал ссудить лекарю из королевской казны двести плетей, которые тот не сдюжил, долго болел и с наступлением осени помер. Воспоминания навели меня на грустные мысли, и я тяжело вздохнул...

Как оказалось позже, хозяин таверны был подвержен заболеванию несколько иного рода: его жена появилась спустя мгновение, изо всех сил рванула его за уши, а потом принялась самым жесточайшим образом дергать его за нижнюю губу. Складывалось ощущение, что она играет на ней, словно губа была музыкальным инструментом. Мотив до меня не долетал, несмотря на то что я сидел совсем рядом, однако факт оставался фактом: женщина беспощадно помыкала мужем и активно использовала его не по назначению. Мой шикарный наряд и ввел ее в опасное заблуждение.

– Ах ты придурок! – заорала она. – Погляди только, этот господин вынужден дожидаться тебя целых полчаса, дубина!... Что вам угодно? – Ко мне она обернулась, волшебным образом переменявшись, и даже голос у нее стал медовым.

– Яичницу с беконом, мяса, эля и хлеба, да побыстрее, я проголодался с дороги!

Я всегда говорил – наглость берет города. Так, похоже, здесь никто не собирался просить плату вперед. Мой честный и представительный вид всегда меня выручал... Помнится, раз в окрестностях Кадрата две бедные привлекательные девушки приняли меня за наследника местного престола. Я быстро договорился с ними, что подарю каждой по наследнику, который когда-нибудь сможет претендовать на трон Кадрата...

Жена хозяина таверны убежала выполнять заказ, а муж ее еще чуть-чуть потоптался на месте, шмыгая носом, а потом отправился восвояси.

– А нам эля, дорогой? – протянула одна из дам, в ушах у которой болтались круглые железные серьги. Я насмешливо поглядел на нее:

– Ты уверена, что в этом есть какая-нибудь необходимость?

– А то смотри, – она погрозила мне пальцем, – наш папочка итак уже к тебе приглядывается.

Я обернулся и в полумраке скудного освещения увидел одинокую фигуру за грязным массивным столом. Фигура сливалась со столом, толстые волосатые руки неподвижно лежали на полированной глиняными кружками поверхности. Обращали на себя внимание квадратная челюсть и поросычьи глазки. Они не мигая рассматривали меня. Сняв шляпу, я помахал ею:

– Мои приветствия.

Девушки закашлялись, потому что целая туча пыли поднялась в воздух и осела на их прическах.

Челюсть принялась что-то пережевывать, потом глазки потускнели, и голова нехотя повернулась в другую сторону.

– Хозяин! – заорал я. – Эля моим дамам...

– И покушать, – упрямо проговорила та, что была без сережек.

Я внимательно оглядел ее: на мой вкус, чересчур полновата. Кушать ей не следовало, если, конечно, она заботится о своей фигуре. Я не преминул донести до нее свои умозаключения. Она обиженно поджала губы:

– Думаю, что тебе все-таки придется познакомиться с нашим папочкой...

– И покушать моим дамам! – прокричал я.

Только не подумайте, будто я испугался. Просто осторожность еще никому не вредила. И потом, почему бы не угостить новых знакомых за счет заведения?..

По мере того как я набивал желудок и накачивался светлым элем, мне все больше начинало нравиться это дикое, королевство, где люди произошли от обезьян. Что касается новых местечек, то тут я предельно привередлив, редко какое радует мой взгляд, тем паче сердце... А тут такая расположенность ко всем и вся и, Пределы вас побери, соответствующий душевный настрой! Конечно, дело было в светлом эле, который туманил рассудок и заставлял меня представлять Стерпор местом самых широких возможностей, плацдармом для моего дальнейшего продвижения на восток...

Девочки пили, как скаковые лошади после забега, а их «папочка» через короткий промежуток времени, в достаточной степени наглядевшись на мою бьющую через край щедрость, пересел к нам. Мне сразу стало намного теснее, но я радушно улыбнулся ему, как и подобает вести себя особе королевской крови среди простолюдинов.

– Мои приветствия. – Я опять приподнял шляпу, в воздухе возникла новая туча пыли, и девочки снова зашлись кашлем.

– Хозяин, эля за счет этого. – Громила оглушил меня звериным рыком.

– Кстати, не успел представиться, меня зовут не этот, а Дарт...

– А я Сесил...

– Я Нана. – Девочки захихикали, продолжая поглощать подносимые кушанья и эль.

Не без опасений я заметил, что жадные хозяева решили, будто напали на богатого клиента, благодушного настолько, что он платит за всех. Они расставляли все новые и новые блюда, которые я вовсе не заказывал. А может, у них здесь так заведено – разводить приезжих на деньги? Настроение у меня стало портиться. Все-таки Стерпор не столь замечательное место, каким представлялось мне еще недавно, а грязное, отсталое королевство, и даже его столица не может похвастаться лоском цивилизованности и хорошим воспитанием подданных. Это же надо, я просто хотел зайти поесть и тут же встрял в неприятную ситуацию. Я сорвал с головы шляпу и принялся яростно ее выколачивать, после чего воздух так наполнился пылью, что дышать стало совершенно невозможно.

– Ты когда-нибудь чистишь свою шляпу? – сердито поинтересовался громила. Он жевал баранью ногу, и после моих действий стало отчетливо слышно, как что-то потрескивает у него на зубах.

– Бывает, – ответил я, разглядывая зал, – сейчас как раз подходящий случай.

Затем я водрузил шляпу на голову, туда, где ей и полагалось быть, и подмигнул ему. В ответ мой собеседник зашевелил челюстями куда активнее, а звериная морда его сделалась совершенно невыносимой – ее скривила гримаса неподдельной ярости. В пороссячьих глазках, наверное, полопались сосуды, потому что они налились кровью и выглядели довольно болезненно.

– Эй, – сказал я, – у тебя что-то с глазами, я бы на твоём месте промыл их элем, выглядят так, словно вот-вот лопнут.

– Не твое дело, – проворчал «папочка».

Поскольку я уже успел насытиться, хотя еда и напитки все не иссякали, я здраво рассудил, что настало время оценить обстановку и потихоньку убираться из таверны. Не вечно

же тут сидеть, в самом деле. Я окинул зал опытным взглядом и заметил двух вооруженных крепышей, скучающих у выхода, и еще одного у стойки бара. Все они были вооружены широкими плоскими мечами, а один чем-то, напоминающим арбалет, но конструкция его была такой допотопной, что за правильность своей догадки я не ручаюсь: может, это мухобойка или какая-нибудь другая крайне необходимая в подобных заведениях вещь.

В таких трудновоспитуемых областях, как Стерпор, в каждой таверне и на постоялом дворе, а также в мелких и крупных лавчонках охрана просто необходима, иначе обчистят хозяев за милую душу, да еще, чего доброго, перережут горло, чтобы не вздумали мстить. Дикий народ – дикие обезьяньи нравы.

Хозяева скрылись из виду, визгливый голос хозяйки доносился теперь с кухни, она за что-то отчитывала покалеченного ее тяжелым характером мужа. Пора было уносить ноги. Они не раз выручали меня из беды. Благодаря несчастливой судьбе бегством мне приходилось спасаться частенько, и, если бы не длина моих ног, кто знает, может быть, я давно уже стал бы короче на голову. Вот так ноги иногда помогают сохранить голову, а голова ноги. Об этом стоило поразмыслить на досуге. Вопрос почти философский. Но не сейчас.

– Хозяин! – крикнул я.

Вислоухий явился не сразу, но довольно быстро. Сама жизнь в лице суровой супруги учила его расторопности...

– Где у вас тут можно справить нужду? – спросил я и почувствовал укол совести: увидев, что я безвозвратно исчез, жена, пожалуй, совсем оторвет ему уши.

– Во дворе, – промычал несчастный, – там у нас есть нужное помещение.

– Я провожу. – «Папочка» поднялся, отряхивая руки, с которых капал густой жир.

Он подмигнул хозяину, и это навело меня на мысль, что они, вполне возможно, работают сообща и обилие блюд на столе – следствие их давнего плодотворного сотрудничества. Это умозаключение несколько успокоило мою обостренную совестливость по отношению к калек.

– Не нужно волноваться за меня, я справлюсь сам... я делаю это давно и всегда успешно, не нужно судить по себе о физиологических возможностях других людей. – Я ободряюще улыбнулся великану, решительно отстранил его и, не оглядываясь, быстрыми шагами направился во двор.

Девочки, конечно, были хороши. То есть они были не слишком хороши, но для определенных дел, таких, например, как втирание мази в мою изрядно стертую седлом задницу, вполне могли бы сгодиться. Однако сейчас меня больше заботила собственная безопасность, хотя эль и большое количество пищи в желудке старались убавлять всякую бдительность, они взывали: «Отправляйся на постоялый двор, найди комнату с кроватью и ложись-ложись – ложись, поспи – поспи – поспи...»

Охрана заведения нерешительно расступилась передо мной. Во дворе я расправил плечи, вдохнул свежий воздух и быстрыми шагами пошел прочь. Это оказалось легче, чем отнять монетки у слепого нищего. Оставалось только зловредно усмехнуться. Что я и сделал. Мой рот растянулся в улыбке. Я хмыкнул. Позади вдруг раздался сердитый окрик:

– Эй ты, а ну-ка подожди!

Брошенный через правое плечо взгляд уловил перемещения громоздкой фигуры преследователя. В ее очертаниях мною безошибочно был определен «громилла, заменивший девочкам отца».

– А, это ты, – я повернулся к нему лицом, – решил все-таки помочь, а девочек там оставил, как же твои дочери без тебя обойдутся?

– Ты что, франтик, – он тяжело дышал, наверное, ему пришлось за мной бежать, – я же говорил, что у меня очень длинные ноги, – ты вообще собираешься платить за обед?

– Премного благодарен, что ты оценил мой костюм, подчеркнул мое умение изящно одеваться, – я чуть поклонился, – но о каком таком обеде ты говоришь? Я на строгой диете, не

ел три дня и не буду есть, по меньшей мере, еще три. Мой доктор не велит, да и проблемы с лишним весом замучили. Тебе бы вот тоже не помешало скинуть несколько кило...

Он резко надвинулся на меня и ухватил за ворот рубашки. Запахло луком и гнилыми зубами. Я легким движением выхватил из ножен меч и резко кольнул его в пузо. Этого верзила не ожидал. Он отскочил, словно ужаленный, впрочем, он и был немного ужален. Заорвав, «папочка» потащил из заплечных ножен меч настолько длинный, насколько длинным вообще может быть холодное оружие. Доставал он его очень долго. Попробуйте извлечь из ножен длинный-предлинный меч, если у вас короткие руки, – и вы поймете, насколько это непросто. Для этого сложного маневра ему пришлось даже немного присесть. Он кричал и мучился. Если бы я пожелал, то мог бы воспользоваться моментом, чтобы покончить с ним. Но я никуда не спешил, все время, пока он тащил из ножен меч, я ожидал, испытывая некоторое любопытство: мне было интересно, что он намеревается предпринять. Неужели хочет вступить со мной в поединок?

Негодяй, наконец, справился с мечом, прыгнул вперед и сделал настолько неуклюжий выпад, что мне стало за него мучительно стыдно. Я легко парировал удар и следующим движением вонзил острие прямо в его широкую грудь. Потом вырвал меч и отпрыгнул в сторону. «Папочка» захрипел, закрыл рану ладонью, но кровь все равно просачивалась сквозь толстые пальцы, растекалась по его темным одеждам, тяжелыми каплями падала на черную землю. Потом он рухнул вперед и приложился о землю лицом, его нос издал сухой хруст при соприкосновении с почвой. Я даже вздрогнул, представив, что такое может произойти со мной.

Бедняга, он совсем не умел фехтовать. Против потомственного принца дома Вейньет, которому давал уроки искусства мечников сам Габриэль Савиньи, у него не было никаких шансов. Разве что я сам решил бы покончить с собой, но я никогда не питал склонности к суициду. Напротив, тяготы и лишения, которым подверг меня мой почивший родитель, укрепили меня, внушили истинное жизнелюбие, склонность к великой радости только от той мысли, что я живу...

Сим посланием я уведомлю (зачеркнуто), уведомле (зачеркнуто) уведомляю Вам, что какой-то неизвестный без денег покармился в таверне, а патом совершил убийство на улице рядом... Личность убитого пока не апознана... И убивца тоже... Все на месте говорят, что они его не знают.
Записка сержанта роты охранения порядка в столице Стерпора Атуна Лепира начальнику королевской стражи Зильберу Ретцу

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ней рассказывается о том, как надо заводить друзей (не путать с пособием Айвана Суссана «Куда заводить друзей» и Лба Вессерийского «Как разводить врагов»)

Я пошевелил тело ногой. Сомнений не оставалось. Я убил несчастного. Впрочем, стоило озадачиться вопросом, а был ли он несчастным? Вовсе нет. Скорее всего, он был очень счастливым мерзавцем. Такие типы обычно получают искреннее удовольствие от жизни. Особенно если им удастся сделать какую-нибудь гадость честному, благородному человеку. День не удался, если никто не ограблен, не унижен и не раздавлен. Радующийся каждому дню негодяй, преступник и вымогатель! Поделом же ему. Поделом.

Поразмышляв так некоторое время, я окончательно убедился в том, что поступил исключительно правильно. Он несомненно заслуживал смерти. Я поправил съехавшую шляпу и подергал серебряную серьгу.

У меня это уже вошло в привычку: убью кого-нибудь или только соберусь убить – и обязательно подергаю. Отвратительная привычка. Но избавиться от нее я не мог. Точно так же один из моих братьев, Лювер, не мог избавиться от привычки все время накручивать локоны на указательный палец. Чего только не предпринимал наш отец, чтобы избавиться его от этой ужасной напасти: дал воспитателям полномочия бить его по рукам линейкой, если они заметят его за этим неподобающим потомственному принцу занятием; запирали его в темной комнате; приглашал докторов, которые разводили руками; несколько раз Лювера даже стригли наголо, но стоило волосам отрасти – и он снова брался за старое.

В конце концов король оставил попытки спасти своего младшего сына от позора. «Пусть делает, что хочет!» – изрек Бенедикт Вейнъет и отправился на охоту, где зверски убил двух кабанов, оленя и ни в чем не повинную и совершенно непригодную в хозяйстве белочку.

С тех пор Лювер безнаказанно занимался этим каждый божий день, с утра до вечера. Сидел и крутил волосы на палец, руки его при этом нервно подрагивали. «Патология, – сообщали Бенедикту врачи, – нервический кризис». Впрочем, этот диагноз можно было применить ко всем без исключения моим братьям. Так или иначе, каждый из них имел какой-нибудь врожденный недуг, определенную патологическую черточку, которая со временем развивалась в маниакальную страсть, прогрессировала и делала существование окружающих буквально невыносимым.

Братья все то время, что мы находились вместе, раздражали меня донельзя, но, будучи от природы человеком сдержанным, хотя и склонным время от времени к убийству отъявленных мерзавцев, я терпеливо сносил общение с родственниками. Несмотря на мою наименее патологическую природу, я тоже имел разнообразные пристрастия, от которых совершенно не мог избавиться. Убийства негодяев, например, случались постоянно, а еще у меня была особая склонность к светлому элю, женскому полу, ну и целый ряд мелких привычек. В том числе описанная выше – в моменты крайнего раздражения я дергаю себя за серьгу.

Серьгу я, кстати, купил на ярмарке, когда мне было всего пятнадцать. Мой самый старший брат Дартруг – тот еще упрямец, абсолютный маньяк, скажу я вам, – полез на высокий ярмарочный столб за сапогами, а хозяин ярмарки, узнав, что это один из принцев Вейнъет и что он желает именно ЕГО сапоги, стоял внизу и яростно аплодировал. Его хвалебные крики разносились над толпой звучно и одиноко. Граждане Центрального королевства наблюдали за истеричной овацией хозяина ярмарки молча. Хозяин продолжал аплодировать и кричать до тех пор, пока Дартруг не спустился и не ударил его в глаз, – он всегда был очень вспыльчив и

нередко пускал в ход кулаки. Затем мой старший брат принялся орать на несчастного, что тот испортил ему все удовольствие от лазанья по столбу. Хозяин ярмарки от ужаса побледнел и, чтобы загладить свою вину, стал всучивать Дартругу всякие безделушки за бесценок. Тогда-то я, как всегда вовремя, подсутился и приобрел у него за пару медяков массивную серебряную серьгу. Причем я едва отбил от Дартруга, который бешено кричал на меня: «Верни, верни этому идиоту его проклятую серьгу!...»

С тех пор серьга украшает мое левое ухо и со временем превратилась для меня в почти священный предмет, фетиш – не представляю себе, чтобы я когда-нибудь с ней расстался. Я отдам ее кому-нибудь, если только этот кто-то заберет ее вместе с ухом, но, надеюсь, этого никогда не произойдет – все же ухо, а тем более левое, мне до чрезвычайности дорого...

Отец помнится, с большим неудовольствием отнесся к моей обновке. Он приказал мне немедленно снять «эту гадость», но, когда я выказал яростное неповиновение, он поразмыслил и решил, что серьга – это все же лучше, чем иные пагубные пристрастия его сыновей. Как я уже говорил, у братьев их было в избытке. Чтобы смириться с изменениями в моем облике, Бенедикт Вейнхет вновь отправился на охоту, где подстрелил кабана, рябчика и, по случайности, одного из загонщиков. Смерть слуги вполне примирила отца с серебряной серьгой и вернула мне его расположение...

Если бы я только знал, к чему меня приведет расположение отца, я всеми силами старался бы заслужить его горячую ненависть. Здравое сознание порой покидает пожилых людей, несмотря на то что в зрелом возрасте они были вполне сообразительными. Впрочем, возможно, сейчас я несправедлив к отцу и в моих рассуждениях о дряхлении его рассудка сквозит жестокая обида...

Предавшись воспоминаниям, я совсем забыл о времени, а между тем следовало спешить. В этом отсталом королевстве стража законности работала весьма оперативно. Отчасти благодаря рвению и любви к своей профессии начальника королевской стражи Зильбера Ретца. Он, конечно, не в силах был раскрыть и предотвратить все преступления, совершавшиеся на столичных улицах, но за наградное золото стража старалась изо всех сил. Порой, если преступление не удавалось быстро раскрыть, хватили невиновных. Это случалось обычно, когда несчастье приключалось с одним из известных людей города и раскрытие преступления было необходимо для поддержания престижа власти. В Стерпоре стражу законности заслуженно называли «королевские псы». Они хватили и сажали, отправляли на рудники или чинили расправу на месте. Последнее особенно нравилось королю, потому что в этом случае преступник обходился казне почти бесплатно – содержать в тюрьме его было не нужно, а нужно только пригласить могильщиков, которые за несколько медных монет закопают бедолагу где-нибудь за городскими стенами. В общем и целом действия «королевских псов» зависели от обстоятельств. Обстоятельства сейчас явно складывались именно так. Впрочем, будем честными, они всегда складывались против меня.

Быть отправленным на рудники или нашинкованным алебардами, как квашеная капуста, я не хотел, а потому аккуратно вытер меч об одежды убитого и огляделся по сторонам – к счастью, поединка никто не видел, улица была пустынной. Значит, мне удастся уйти без шума, не преследуя свидетелей. Я убрал меч в ножны и стащил с мизинца «папаши» крупный серебряный перстень с черным квадратным камнем – забирать боевые трофеи никогда не казалось мне чем-то недостойным. Перстень я надел на безымянный палец левой руки – он пришелся точно впору, и торопливо зашагал вдоль ряда скособоченных деревянных домиков в поисках чего-нибудь хотя бы отдаленно напоминающего постоялый двор. Хороший перстень, строгий и элегантный. Должно быть, изготовлен опытным ювелиром. Я покрутил рукой, любуясь сверкнувшим на солнце камнем. Черный кварц, надо думать. В случае чего перстень можно будет заложить и выручить за него немного монет.

Дома в Стерпоре стояли плотно, стена к стене. Из-за того что земля была королевской собственностью и за нее надо было платить, а небо не облагалось налогом, все дома были многоэтажными, уродливыми, налепленными друг на друга в абсолютном беспорядке, второй этаж нередко разрастался и нависал над улицей болезненным, странным образованием. Были дома, первый этаж которых был сложен из камней, а второй напоминал дощатый сарай, между прибитыми в беспорядке досками торчали кучи сена, из некоторых особенно крупных дыр выглядывала коровья, лошадиная или ослиная задница, обильно сыпался прямо на мостовую бурый навоз, шлепали вонючие лепешки.

От засилья этого ужасающего архитектурного буйства складывалось впечатление, что строители в бывшем герцогстве Стерпор работали, только уже очень сильно приняв на грудь. Поддерживали надстройки небрежно обтесанные деревянные столбы. Вид у них был не самый надежный. С непривычки я даже стал опасаться, как бы меня не пристукнуло где-нибудь рухнувшим вторым этажом, и старался держаться поближе к центру улицы. Идти по центру было не только безопаснее, но и намного чище. Еще чего доброго ткнешься в какой-нибудь коровий зад, и он обдаст тебя свежей порцией эксcrementов...

Завернув за угол, я внезапно наткнулся на какую-то девицу. Она прятала лицо, укутавшись с головой в капюшон, и шла, низко склонив голову. При таком способе перемещения она вряд ли что-нибудь различала впереди, так что в нашем столкновении я был повинен лишь отчасти. Поскольку поворачивал я стремительно, то врезался в нее со всего размаху. Она ткнулась склоненной головой мне в грудь, вскрикнула и подняла глаза. На меня глянуло совершенно очаровательное личико – вздернутый веснушчатый носик и огромные светло-зеленые глаза. Личико обрамляли пряди светлых волос, они немного выбились из-под капюшона, когда их обладательница взглянула на меня. Наверное, ее постигло какое-то горе, потому что плечи красавицы чуть подрагивали, а в прекрасных глазах стояли слезы. Может быть, именно поэтому ее грустный взгляд поразил меня в самое сердце.

– Прошу прощения, я вас не сильно ушиб? – спросил я и улыбнулся.

Она оказалась весьма неприветливой особой: вместо того чтобы ответить что-нибудь подходящее моменту, кивнула мне, принимая мои извинения, обошла меня и направилась дальше.

– Боже, какая красotka, – пробормотал я и хотел было пойти за ней, чтобы выведать, что у нее произошло, когда мысль о том, что сейчас, наверное, не самое подходящее время, чтобы ухаживать за дамочками, остановила меня. Я немного задержался, с сожалением поглядел ей вслед, потом развернулся и пошел дальше сквозь хитросплетение грязных улочек – искать местечко, где можно было бы отдохнуть после дальней дороги.

Проблуждав по Стерпору еще некоторое время, я, наконец, вышел к домику с надписью «Постоялый двор Руди Кремоншира». То, что нужно. Унылое, старое, плохо покрашенное здание не привлекало лишнего внимания. К тому же граничило оно с конюшней и кожевенной лавкой. Канава с нечистотами здесь расширялась и пересекала улицу. Вонь вокруг стояла невообразимая. И от конюшни, и от кожевенной лавки несло премерзко. Вряд ли кто-то захочет сюда сунуться: под сводами этого кошмарного места я могу чувствовать себя в полной безопасности.

К моему удивлению, оказалось, что «Постоялый двор Руди Кремоншира» – место весьма популярное и получить здесь комнату не так-то просто. Наверное, укрыться от постороннего внимания хотел не я один.

Я вошел внутрь, приблизился к стойке и позвонил в заржавленный колокольчик, на звук которого поспешно явился длинный хозяин в холщовых штанах и неоднократно латанной рубашке. У него было совершенно непонятное выражение лица, а светлые глаза казались безжизненными.

– Мне нужна комната. – Я смерил его суровым взглядом.

– К сожалению, сейчас нет ничего подходящего... – Он подобострастно приложил руку к груди. – Рад бы помочь, но... у нас совсем нет мест для таких важных особ, как вы...

– Ничего, мне сойдет что попроще, я на редкость неприхотлив.

– О я понимаю, но боюсь, что мне совсем нечего вам предложить... – Серое лицо стало отвратительно жалким. – Все места заняты, абсолютно все.

– Дай-ка сюда книгу постояльцев. – Я начал подергивать серьгу, если бы он знал, что это означает, наверняка грохнулся бы в обморок.

Хозяин постоялого двора полез куда-то под стойку, некоторое время копался там, а потом выдал мне толстую тетрадь в кожаном переплете:

– Вот, у меня все записано.

Я изучил содержание тетради. Он не врал: все комнаты действительно были заняты, напротив каждого из номеров были проставлены имена постояльцев.

– Ага. Леди Престон, – прочел я. – Как думаешь, она меня не примет?

– Она-то, может, вас и примет, – хозяин задумчиво покачал головой, – но ей около девяноста лет...

– Жалость какая, – огорчился я, – леди Престон отпадает. Забота о старушках не входит в сферу моих увлечений. А это кто такой, Кар Варнан? У него есть лошадь?

Это был старый, давно проверенный способ добывания лошадей: стоило лишь поссориться с владельцем, и лошадь переходила к победителю короткого поединка. К тому же, лишившись телесной оболочки, Кар Варнан освободил бы для меня комнату. А на призраков я давно махнул рукой. Он летал бы надо мной спящим и выкрикивал слабым голосом (а у них на редкость слабые голоски): «Ты убил меня из-за комнаты и лошади, грешник!», а я бы лишь вяло отмахивался, не раскрывая сонных глаз, и отмахивался, переворачиваясь с боку на бок, и отмахивался, посапывая во сне, а к рассвету он сам растворился бы с первыми петухами, сделав на бесцветном лице жалкую-прежалкую мину.

Мои раздумья были прерваны самым бесцеремонным образом. На левое плечо вдруг упало нечто донельзя тяжелое и громоздкое. Я скосил глаза и увидел, что это волосатая кисть руки, но, поскольку она была нечеловеческих размеров, я начал всерьез опасаться, что она принадлежит косматому монстру из тех, что нападают на путников высоко в горах и глухих лесах. Но я все же был в городе. Среди деревянных и каменных построек. Неподалеку располагался дворец местного герцога, ставший сейчас резиденцией моего брата – короля Алкеса. По улицам шныряли «королевские псы». Откуда здесь взяться лесному монстру? Я осторожно стяхнул массивную ладонь и медленно, чтобы не раздражать незнакомца, повернулся. Передо мной стояло странное существо, выглядело оно как человек, но было настолько велико, что заставляло сомневаться в своем истинном происхождении. Лицо у гиганта было плоское и глупое, однако добродушное, ростом он превосходил меня на две головы, хотя я на свой рост никогда не жаловался. Из-за его левого плеча выглядывала рукоятка двуручного меча. «Он что, таскает повсюду двуручный меч? – пронеслось у меня в голове. – Но это же просто невозможно». Тем не менее факт оставался фактом, я стоял лицом к лицу с настоящим великаном, и двуручный меч, обычно притороченный к луке седла, он использовал как обычное оружие, которое можно запросто носить с собой. Впрочем, его габариты вполне позволяли ему обходиться с мечом таким образом.

– Ты искал Кара Варнана? Кар Варнан – это я! – Существу явно не понравилось упоминание его имени всуе: лохматые ноздри шумно раздувались, а на скулах ходили желваки.

Надо было действовать незамедлительно.

– Кар, бог ты мой! – завопил я так, что хозяин постоялого двора за моей спиной даже вскрикнул, затем я со всей сердечностью, на которую был способен, принялся обнимать великана. – Старик Кар... Я все-таки нашел тебя! Сколько дней и ночей! Сколько деревень и городов я обошел, пока не наткнулся на тебя здесь, в этом крысином углу.

В первый момент монстр опешил и с сомнением отодвинулся от меня. Лицо его отразило непонимание, потом он засопел и растерянно улыбнулся. Я стукнул его по плечу: «Старина! Сколько лет не виделись... Боже ты мой... Сколько лет». Тут важно было многословие, надо было оглушить его криком, совсем запутать, огорошить. Он видимо, совсем уже по-приятельски решил мне ответить на похлопывания по плечу и, когда я отстранился, проломил ладонью дубовую стойку. Хозяин гостиницы в самых расстроенных чувствах закричал:

– Эй-эй-эй! Господа хорошие, да что же вы такое со мной делаете?!

– Ты разве не видишь, смерд, – яростно крикнул я, ткнув в него указательным пальцем, – старые друзья встретились после многолетней разлуки!

Я швырнул кожаную тетрадь на сломанную стойку.

– К дьяволу комнату, я остановлюсь у своего друга. Как, Кар, ты оказался в этом пристанище тараканов? Как тебя занесло в Стерпор? Ты должен мне все-все-все рассказать. Непременно.

– Я... – начал он что-то говорить, но я опередил его:

– Великолепно, что мы теперь вместе, вот уж не думал, что найду тебя... Надо же, ты в Стерпоре. И теперь ты мне непременно поможешь. Ты, кстати, не против, что я немного поживу у тебя?

– Эээ... Ну, я...

– Вот и прекрасно... Боже мой, Кар, дружище! – проорал я, стремительность слов и действий была такой, что великан не успевал осознать, что он видит меня впервые в жизни. – Пойдем в какой-нибудь укромный уголок, пропустим по стаканчику...

– Ну-у, – промычал мой новый знакомый, – вообще-то я собирался пойти на базарную площадь...

Воспоминания о базарной площади, где у меня украли именной кошель, заставили меня нахмуриться...

– К дьяволу базарную площадь! В Нижние Пределы ее!

Я стремительно вышел на улицу, выкрикивая:

– Надо же, Пределы тебя побери, дружище, сколько лет сколько зим, и такая встреча, вот уж не ожидал!!!

Великан вывалился следом за мной, на его лице было написано напряжение. Похоже, в его мозгу шла тяжелая работа: он мучительно пытался вспомнить, где и когда мог со мной познакомиться...

– Эээ, я знаю одно местечко... – проговорил Кар Вар-нан.

– Отлично!

Я поднял руку, чтобы хлопнуть его по плечу, но потом вспомнил пробитую стойку и решил не рисковать: чего доброго, опустит свою пятерню на мое предплечье и поломает его в нескольких местах. Я с опасением покосился на его массивную фигуру. Вышагивал Кар Вар-нан, слегка переваливаясь из стороны в сторону, массивные кулаки при этом взлетали вверх и опускались вниз.

Мы стремительно шли по улице и вскоре оказались вблизи того местечка, где совсем недавно я совершил небольшой подвиг, избавив «дочек» от отвратительнейшего «папочки».

– Нет, нет, только не туда! Там подают очень плохой эль, – я махнул рукой в обратную сторону, – омерзительнейший эль, хуже не пил, чем-то напоминает морковный сок.

– Да? – удивился Кар Варнан. – Морковный сок? Хм, не замечал... Ну хорошо, я знаю еще одно неплохое местечко, правда, там собираются «королевские псы», и мои друзья говорят, что нормальные люди туда не ходят, но если не привлекать лишнего внимания... Мне там нравится, я и сам хотел быть королевским стражем. У меня мечта такая, – простодушно добавил он, – ты только не подумай чего плохого...

– Да я и не думаю, пошли, мы постараемся вести себя незаметно, – заверил я Кара Варнана, а про себя подумал, что мне действительно не стоит привлекать лишнего внимания: помимо того, что я совершил убийство, персоной я все же был весьма и весьма известной. А ну как кто-нибудь узнает меня в лицо – шум тогда поднимется невообразимый.

Мы свернули на боковую узкую улочку и пошли по ней.

– Что-то я все не могу припомнить, где это мы виделись. – Варнан глядел на меня своими синими глазами чуть навывкате и добродушно улыбался.

– Припоминай, припоминай, – я рассмеялся и погрозил ему пальцем, – грех забывать старых надежных приятелей.

Мой новый знакомый принялся скрести затылок. Делал он это так энергично, что до меня доносился сухой скрежет. Выражение крайнего недоумения делало его лицо совершенно идиотическим. Я с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться, настолько веселило меня наше «старое» знакомство... Тугодум Варнан, судя по всему, даже испытывал некоторую радость от встречи со «старым другом». Правда, осознание того, что он этого друга не помнит, и тяжелейшие усилия, которые он прилагал, напрягая память, делали его чуть менее счастливым... И тем не менее он посмеивался, время от времени хлопая себя по ляжкам, и кидал на меня полные радости взгляды. Мне даже стало его немного жалко – простак так легко поддавался обману.

Наконец мы дошли до кабака, который располагался в самом конце улицы. Возле его дверей лежал, раскинув руки, какой-то пьянчужка. Перешагнув через неподвижное тело, мы вошли внутрь.

– Это Вупи, – пояснил Варнан, – он все время здесь лежит, хозяева специально наливают ему крепкого эля, он каждый день приходит с утра, эля выпьет и падает возле дверей...

– Это что, привлекает посетителей? – спросил я.

– Ну да, – Варнан согласно закивал, – я и сам бы хотел со временем открыть питейное заведение, вот это дело мне по душе. Почти так же здорово, как быть королевским стражем. С Вупи я уже поговорил, он согласен у меня работать, ведь я буду его не только поить, но еще и кормить...

– Щедро, щедро, весьма щедро, – одобрил я его, – но тебе не кажется, что если ты будешь всех кормить, то вскоре разоришься.

– Да, ты так считаешь? – Два синих глаза уставились на меня, мои слова зародили у него сомнения.

– Конечно, глядя на Вупи, могу тебе сказать, что есть ему, в общем – то, ни к чему...

– Это да. – Варнан толкнул дверь, и мы вошли внутрь. – Однажды я видел, как он ест. Отвратительное зрелище. Это может только оттолкнуть посетителей... А так, на мостовой у входа он выглядит весьма привлекательно... Только сюда все равно кроме королевских законников редко кто заглядывает.

Он задумался ненадолго... Потом лицо его просветлело.

– Кажется, я тебя где-то видел, – сказал он, – мне сразу показалось, что видел, но я сильно сомневался...

– Да?

– Да... Но теперь я точно уверен, что я тебя где-то видел. Это значит только одно.

– И что же это значит? – напряженно переспросил я.

– Ну как же, – удивился он, – если я тебя где-то видел, это значит, что я тебя знаю.

– А, точно, – откликнулся я, – значит, ты меня знаешь. Вот здорово.

– Да, я тебя знаю, – повторил Варнан и широко улыбнулся, обнажая ряд белых выщербленных зубов.

Публика в заведении мало отличалась от той, что я наблюдал на улицах Стерпора: те же грубые, словно вырубленные топором лица, те же пустые глаза. Отличие составляли только доспехи на некоторых, сваленные в беспорядке в углу шлемы с выбитыми на них гербами

Стерпора и алебарды, поставленные возле дальней стены. Пьяные выкрики раздавались то тут, то там, привычное гудение захмелевших голосов наполняло зал.

Мы прошли, уселись за ближайший свободный столик и заказали себе по паре кружек светлого эля. Его принесли почти мгновенно. Эта таверна мне нравилась куда больше, чем та, в которой к моему столику подсади нахальные дамочки, а, потом и их дружок-вымогатель. Белые шапки пены переливались через края глиняных кружек и стекали на стол.

– Ну, за встречу, – радостно сказал я.

Мы подняли кружки и сделали по хорошему глотку. Варнан собирался отставить свою, не допив, но я остановил его.

– Ты что это? – поинтересовался я. – Так не годится – у нас за встречу пьют до дна... Ты что, забыл, что ли?

– Помню, – откликнулся он немедленно. Мы опрокинули кружки и с громким стуком поставили их на стол.

– Тсс, – сказал я, внезапно спохватившись, и приложил палец к губам, – не будем привлекать лишнего внимания.

– Это точно. – Он подозрительно огляделся кругом, но королевские стражи, казалось, не обращали на нас ровным счетом никакого внимания.

Через некоторое время наше общение стало куда более живым.

– Итак, как протекала твоя жизнь, Кар, все те годы, что мы не виделись? – поинтересовался я, откидываясь на спинку деревянного стула.

– Ну... – начал он, – вот познакомился тут год назад с одной девицей из Стерпора... она решила, что нам надо пожить с ней вместе у нее... Ну, тут то есть... Я поначалу-то не хотел никуда ехать. Куда я, говорю, отсюда поеду... Я тут при делах, в общем-то, да и урожай неплохой собираю... – тут он спохватился, что сболтнул что-то лишнее, и с сомнением поглядел на меня... – ну, в смысле, мне там неплохо так было... Ну вот, а потом там неприятности начались, а она еще говорит, что тут моя мечта может осуществиться, ну это, в королевские стражи записаться, я собрался сразу, значит, отправился с ней, пожили тут немного. Ну, со стражами у меня как-то сразу не задалось. А она вдруг однажды и говорит мне: «Не знала, что ты такой лентяй, жить я с тобой больше не хочу, а хочу жить вот с этим вот господином – он хороший, трудолюбивый, да и вообще, намного умнее тебя...»

– Что, прямо так и сказала? – Я отхлебнул из кружки и с мнимым сочувствием покачал головой.

– Да, – он вдруг громко всхлипнул и занес кулак над столом, – вот сволочуга...

Я слишком хорошо представил, что произойдет, если его пудовая конечность опустится, и стремительно перехватил его руку.

– Э-ге-ге, – вкрадчиво сказал я, – не стоит унывать из-за таких пустяков.

– Пустяков?! – громко вскричал он. – Да я УБИЛ ИХ НАСМЕРТЬ!

В таверне вдруг смолкли голоса, и стало очень тихо. Я отчетливо услышал, как в подставленный трактирщиком глиняный кувшин переливается эль, как тяжело и сипло дышит Кар Варнан, потом покашлял в кулак и пробормотал:

– Ну, убил и убил, зачем же так кричать...

Кар Варнан, похоже, и сам сообразил, что его поведение только что было не слишком разумным. Он приподнялся, хихикнул, сел на место, снова хихикнул, икнул и громко, так чтобы все слышали, проговорил:

– Пошутил...

Все облегченно вздохнули, обернулись к своим столикам, и попойка пошла своим чередом, послышался гул голосов, стук кружек и выкрики: «Эй, мне еще пару светлого!...» Я вздохнул с заметным облегчением и отпустил рукоятку меча. Начнись здесь заварушка, у нас

было бы мало шансов выбраться наружу. Чтобы немного успокоиться, я отпил сразу половину кружки. Эль мгновенно разбавил мою настороженность изрядной долей расслабленности.

– А как ты жил все эти годы? – поинтересовался Варнан.

– Особенно и рассказывать нечего, – деланно махнул я рукой, – в общем-то все как обычно, ну ты знаешь...

– Как обычно? – переспросил Варнан.

– Ну да, ты лучше расскажи, что с тобой было потом, – попытался я снова перевести разговор на него.

– Когда – потом?

– Ну, потом, после этого...

– Чего – этого?

– Ну, этого. – Я неопределенно махнул рукой, потому что не знал ничего из жизни великана, за что мог бы уцепиться.

– А-а-а, после того как я УБИЛ ИХ НАСМЕРТЬ?! – вдруг громогласно выкрикнул окончание фразы Варнан, снова привлекая к нам внимание, должно быть, это событие в его жизни действительно сильно задевало его за живое. Упомянув о происшедшем, сдерживаться он не мог.

На сей раз наступившая в заведении «королевских псов» тишина была куда напряженнее. В ней остро ощущался металл и глубокая настороженность сильно выпивших служителей закона. В их взглядах и тягостном молчании отчетливо звучали вопросы: «Кто эти двое? Случайно, не преступники ли они?» Теперь пришло мое время что-то делать. Я аккуратно отъехал на стуле от стола, стараясь не потревожить ни одного из стражей, сидевших за моей спиной. Потом мы медленно встали и, сопровождаемые всеобщим молчанием и подозрительными взглядами, вышли на улицу. Шли мы спокойно, не торопясь. За нами никто не последовал. Может быть, все решили, что не стоит связываться с таким монстром, как Кар Варнан. А может, просто не захотели портить вечер. В конце концов, они были не на службе, а спокойно расслаблялись в таверне после тяжелых трудовых будней. Впоследствии я долго думал об этом и пришел к выводу, что, наверное, нам просто повезло.

– Пока, Вупи, – бросил Варнан через плечо. Пьянчужка на мостовой едва заметно пошевелил пальцами босых ног.

– Откликается, – радостно сказал Варнан и совсем по-детски улыбнулся.

Положительно, этот великан вызывал симпатию. Конечно, он был невероятно туп, но зато добродушен. К тому же при своих внушительных габаритах и хорошей управляемости – тогда я еще не знал о его стойком упрямстве – он мог сослужить отличную службу короне, той самой, что когда-нибудь мне предстоит надеть на голову.

В том, что все произойдет именно так, и никак иначе, и рано или поздно я стану королем, я уже не сомневался.

Дорогой Кугель,

ну, как ты там без меня? Справляешься ли? Все ли в порядке с хозяйством? Все еще строишь свои странные боевые машины? Как твоя скотина-то? Не отелилась ли Люсильда? И как твоя дражайшая супруга Брошка... Ой, извини, кажется, я слегка напутал в именах. Видит бог, не по злему умыслу. Во время моего последнего визита они действительно показались мне несколько похожими. Как твоя Люсильда? Еще не родила? А то с оказией, может, пришлешь теленочка?

А у нас дела что-то не очень. Народ в Стерпоре совсем обнищал, на улицах, знаешь ли, все больше шарятся лихие людишки. Намедни ко мне решил один такой поселиться. Сначала долго изучал книгу постояльцев, а потом вроде как друга встретил. Тот у меня давно уже жил и был на особом

счету – по всему видно, что темными делишками в городе занимался. Они немного пообнимались, а потом этот второй кэ-э-эк даст – и проломил своей пятерней дубовую стойку, ту самую, помнишь, что мы еще с отцом ладили...

Ох, стоечка моя, стоечка. Вот пишу про нее – и прямо слезы на глаза наворачиваются... Да как же такое может происходить в самой столице нашего славного королевства? И главное – вычесть с этих головорезов деньги за ремонт стойки никак не представляется возможным. Если бы ты видел их лица, тебе сразу бы все стало ясно.

Так что, Кугель, я постоянно хожу по краю. Стерпор стал походить на отхожее место для всякого сброда, не знаю, сколько мне еще отмерил Бог, но чую, что, если так и дальше будет, скоро по миру пойду... С тех пор как наш король Бенедикт приказал долго жить, а Стерпор сделался королевством, житья не стало от разбойников и убийц...

Приезжай, разлюбезный брат Кугель, сам посмотришь на это безобразие... У вас в провинции небось такого не творится. Привози с собой телочку и непременно захвати супругу Брошку.

Р. S. Имена, ты, наверное, уже понял, я путал специально – в надежде тебя рассмешить.

Письмо владельца постоялого двора Руди Кремонишира брату Кугелю Кремониширу, на юг Стерпора

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ней рассказывается о том, что быть любимым сыном короля вовсе не так хорошо, как многим представляется

Наверное, настало, наконец, время подробнее объяснить, зачем я, собственно, появился в Стерпоре. Ведь это королевство не отвечало моим требованиям к культуре, цивилизованности, благам, которые дарит нам цивилизация, и даже к элементарной гигиене.

Гигиена, в сущности, довольно неплохая вещь. Впрочем, я понял это уже в зрелом возрасте, когда убиенный мною старичок-доктор много лет лежал в могиле. Осознав, что в определенный момент я поступил опрометчиво, попросту говоря, погорячился, я пришел на кладбище и искренне попросил у доктора прощения. Как и следовало ожидать, старичок никак не отреагировал на мои извинения, но я вполне удовлетворился его молчанием. То, что на кладбище со мной не случилось ничего нехорошего, уже говорило о том, что я прощен. Так легко тогда я воспринимал всякий свой проступок и так просто мне было достичь психологической компенсации и прийти к гармонии с самим собой...

Для того чтобы всем стали понятны мотивы моих поступков и значимость высоких целей, которые стояли передо мной, когда я объявился в бывшем герцогстве Стерпор, мне придется предпринять небольшой экскурс в прошлое.

Великое государство Белирия, где мне довелось родиться на свет, испокон веков делилось на шесть герцогств, которые затем, после смерти короля Бенедикта Вейньета – бессменного правителя Белирии и моего отца – стали королевствами. Бенедикт Вейньет управлял страной разумно и справедливо. Так всегда казалось нам, его сыновьям.

Впрочем, за спиной его почему-то называли «суровый деспот». Так говорили о Бенедикте Вейньете придворные – я частенько слышал, как они перешептываются в многочисленных коридорах дворца. Так думали о нем пять наместников отдаленных от Центрального королевства герцогств – по крайней мере, кое-кто из них точно. Такое же мнение о нем сложилось в народе. Прогуливаясь по улицам столицы Центрального королевства Мэндома, я частенько слышал, как тот или иной горожанин беззастенчиво костерит правящую власть и, что раздражало меня более всего, отзывается неподобающим образом о моем казавшемся мне в ту пору почти святым родителе.

В такие моменты меня охватывала ярость, и я бросался на крикуна, на ходу вынимая из ножен острый клинок. Как правило, зловязкий горожанин, увидев обнаженный меч, немедленно бросался наутек, но случались и вполне серьезные потасовки. Кое-кто из крикунов был отнюдь не против хорошей драки. Иногда и меня поколачивали, но чаще всего я выходил победителем. Однако заткнуть рты всем недовольным мне никогда не удавалось, хотя я стремился к этому по мере сил и частенько носил на физиономии следы побоев – фингал под глазом, раздувшиеся, разбитые губы, рассеченную бровь.

Народ в Белирии по большей части был такой бестолковый, что, если бы не абсолютизм монархии и жестокая властность моего отца, всеобщий хаос немедленно захлестнул бы всю страну – на улицах начались бы невероятные беспорядки, всяческие гнусности и произвол.

Достаточно вспомнить снижение авторитета власти в герцогстве Вейгард, когда после смерти прежнего наместника управление перешло к его племяннику Антониону Меннику, человеку неумному, пустому и склонному к разного рода извращениям, а потому в народе крайне непопулярному. Одним из самых любимых развлечений Менника было принятие пузырящихся ванн вместе с юными отроками из его многочисленной свиты. Государственные дела

Антонион совершенно забросил, что вызвало сильный упадок экономики герцогства. На глазах у придворных он предавался противному самой природе разврату, а в народ выходил только для того, чтобы подыскать себе новых отроков. Причем предпочитал извращенец тех, что выросли в бедных крестьянских семьях. «Мне нравится развивать их фантазию», – делился Менник с придворными своими соображениями и совершенно не замечал, что многие в ответ на его откровения кривятся, испытывая острое отвращение. Менник завел при дворе обычай устраивать карнавалы и пиршества, причем приходились они каждый раз почему-то на время крупнейших церковных праздников. А иногда и на время поста. Пока все население совершало молебны и перебивалось водой и овощами, столы во дворце герцога ломились от яств – свиные, бараньи туши, вино, потрясающие деликатесы, свезенные со всей Белирии и даже из сопредельных государств. Мясо, птица, салаты, разносолы – все это уплеталось гостями Антониона Менника за милую душу, как ни кощунственно это звучит.

Разумеется, анданская церковь всячески осуждала герцога Антониона Менника. Дело дошло даже до того, что кое-кто из церковного управления в самом Андане стал поговаривать о том, чтобы отлучить герцогство Вейгард от церкви и объявить его территорией Пределов. Чем это грозило местным жителям, было хорошо известно. Через некоторое время проклятые церковью территории стали бы походить на кошмарный Кадрат: через почву пробилась бы ядовитые растения, земля зацвела буйной смертоносной зеленью, а местные жители вскоре выродились бы, превратились в ужасающих монстров. Демонические создания немедленно объявились бы в Вейгарде и заселили его, стали наводить смуту и сеять ужас в сердцах тех, кто еще чувствует себя человеком. Так давным-давно случилось с Кадратом и несколькими островами на юго-востоке материка, и, разумеется, никто не хотел, чтобы то же самое произошло с Вейгардом. Слава богу, у священнослужителей в Андане хватило ума не предавать анафеме и не вверять адским Пределам еще одну часть земли, так что до отлучения дело не дошло. Однако страх в народе подобные слухи вызвали.

Недовольство извращенным правителем все росло и росло, но Менник не придавал настроениям народа равным счетом никакого значения. Закончилось все тем, что однажды на улицах начались жуткие беспорядки. Разъяренная толпа сначала разгромила дома богатых граждан и лавки зажиточных торговцев. Особенно досталось продавцу ювелирных изделий – погромщики набивали драгоценностями карманы, бросали их горстями за пазуху, а в перерывах яростно били несчастного сапогами под ребра. Потом толпа разворотила мостовые и уронила северную городскую стену, точнее ее центральную часть, а напоследок штурмом попыталась взять резиденцию сластолюбца-герцога. Но, несмотря на общий разлад в делах, армия Вейгарда все еще была крепка и надежна. Всеобщее разложение ее почти не коснулось, если не считать излишнего употребления горячительных напитков, но это скорее способствовало увеличению отваги и патриотических настроений. Так что бунтовщиков ждал возле дворца решительный отпор, им не удалось продвинуться дальше ворот. Антонион Менник стоял на одном из балконов замка, аплодировал и смеялся, когда его полупьяные солдаты, дыша многодневным перегаром, вклинились в возбужденную толпу и принялись охаживать людей деревянными дубинками. Восстание было подавлено за несколько часов. Разбежавшихся в страхе бунтовщиков находили на отдаленных улицах и от души колошматили.

Несмотря на быстрое разрешение конфликта, слухи о народном бунте вскоре дошли до короля. Бенедикт Вейньет, кстати сказать, ярый противник разного рода извращений, в сопровождении старшего сына Дартруга, которому в ту пору как раз исполнилось семнадцать лет, и отряда отборных воинов отправился в провинцию выяснять, что могло вызвать столь сильное недовольство народа. Разбирательство длилось недолго. Услышав о бесчинствах герцога от его же придворных, Бенедикт приказал заковать мерзавца в кандалы и отправить на рудники, на двухгодичные исправительные работы. Решение это было крайне мягким, учитывая свирепый нрав отца. И все же продиктовано оно было вовсе не милосердием, как кто-то мог бы подумать,

а уверенностью монарха в том, что для такой ничтожной личности, как Менник, двух лет будет вполне достаточно, чтобы растерять последние крупинки разума и физического здоровья. И действительно – на рудниках Антонион Менник быстро сгинул, потому что к тяжелой работе был не приспособлен.

После того как король вынес приговор герцогу, народ Вейгарда возликовал, тем более что преемником Менника был назначен любимый многими Людовик Бевиньи – человек прямолинейный и честный, но радость людей была недолгой – Бенедикт принял решение наказать не только бывшего герцога, но и граждан Вейгарда, причем проявил крайнюю жесткость: за попытку скинуть с престола законную власть, назначенную самим королем, жителям опальной провинции надлежало внести в государственную казну дань, равную годовому доходу, получаемому с герцогства. Людям предстояла голодная зима – их благосостояние и так было сильно подорвано неумелым управлением Менника, но моего отца финансовая немощь людей волновала меньше всего: бунты он подавлял решительно, не оставляя их участникам ни малейшего шанса на жизнь. Помимо этой жесткой меры, с помощью шпионов было выявлено три главных зачинщика беспорядков. Им отсекали головы на главной площади столицы Вейгарда.

Слегка ошарашенный обилием новых впечатлений Дартруг, росший в довольстве и относительно спокойствии, нахмурил лоб, пересказывал нам происходившие в Вейгарде события. По всему было видно, что он испытывает весьма противоречивые чувства, но действия отца всегда были для нашего старшего брата идеалом разумности. «Если папа так решил, значит, так и надо было». Возражать ему было бесполезно. Дартруг обладал поистине маниакальным упрямством – чертой врожденной и необоримой, и, если кто-то из нас пытался сказать ему что-то поперек, он немедленно выходил из себя и начинал бешено орать, лицо его багровело, а ладони сжимались в кулаки – Дартруг был готов к драке в любой момент дня и ночи. Справиться с любым из нас ему было совсем не сложно, учитывая серьезную разницу в возрасте. Потягаться с ним в кулачном поединке было под силу разве что рослому и неумеренно активному Виллу.

Зато я был самым умным среди братьев и сразу сообразил, что с Дартругом лучше не спорить. А потому мы с ним ладили. Не то чтобы очень, но все же в перепалку вступали довольно редко. А вот остальным, не столь сообразительным, как я, часто доставалось от него на орехи. Особенно Алкесу, который никак не хотел понять, что Дартруг ни за что не примет его возражений. Более того, любые возражения ввергнут старшего брата в состояние иступления, и он кинется в драку. Бедняга Алкес, бывший на семь лет моложе Дартруга, постоянно получал тычки и затрещины. Но ума они ему не прибавляли, и через некоторое время все начиналось по новой. Дартруг что-нибудь рассказывал, высказывал свою точку зрения на происшедшее, Алкес возражал, тут же получал смачный подзатыльник и отправлялся реветь в свою спальню на третьем этаже фамильного замка.

Вообще же драки между нами возникали спонтанно и почти на пустом месте. И вовсе не потому, что все мы были одинаково дурного нрава и воспитания. Вовсе нет. Просто все мы очень сильно отличались друг от друга, а потому у каждого в спорах оказывалась своя истина. В раннем детстве мы вступали в кулачные поединки, а чуть позже фехтовали друг с другом на деревянных мечях, стараясь побольнее захватить противнику клинком, а иногда и рукоятью, если случалось сходить в ближнем бою. Разумеется, разъяренный Дартруг всегда в те времена выходил победителем, он не стеснялся колотить нас, несмотря на разницу в возрасте. Непременно при случае припомню ему все мои шишки и синяки...

Но, кажется, настало время рассказать о моих паршивых братьях (иначе отзывать о них не могу) немного подробнее. Кроме вполне нормального и очень смышленного принца, то есть меня, у короля Бенедикта Вейньета было еще шестеро сыновей – все обладатели, как я уже упоминал выше, каких-либо значительных и не слишком отклонений от нормы.

Дочерей у короля не было, но по этому поводу он особенно не переживал, так как почитал женщин существами если и не низшего порядка, то уж, по крайней мере, точно отстоящими от мужчины в плане физического и умственного развития очень и очень далеко. Подобное мировосприятие сказалось и на его сексуальных подвигах. Так уж получилось, что все мы были рождены от разных матерей. Бенедикт Вейньет не отличался добротой и пониманием в отношениях с женщинами, а потому как только очередная красотка попадалась ему на глаза, он немедленно забывал о прежней пассии. Некоторое время король приглядывался к новому предмету своего интимного интереса, очень короткое время, уверяю вас, а потом начинал действовать весьма решительно, используя «тактику вооруженных посредников».

– Вас требует к себе в постель король, пойдемте с нами...

– Но я сейчас не могу, у меня стирка вот...

– Бросайте вашу стирку, приказано доставить вас живой или мертвой. Вы что выбираете?

– Кажется, я готова, сейчас только соберу вещички...

Когда королю Белирии приводили во дворец новую женщину, прежняя «возлюбленная» немедленно отсылалась прочь, чтобы не мозолила глаза и не устраивала истерик, куда-нибудь в дальнюю провинцию. Лучшей участью для женщины короля было стать женой кого-нибудь из герцогов, как это случилось с необыкновенно красивой матерью нашего младшенького – Лювера. Но чаще всего получалось так, что «любовь» короля Бенедикта оказывалась в монастыре где-нибудь на самой окраине Белирии. Бывало, что он отсылал ее еще дальше. Куда-нибудь за границы королевства – вплоть до просвещенной Миратры. Так, по слухам, случилось с матерью Дартруга, которая вроде бы была не менее упертой, чем ее сын, и заявила, что «все равно вернется к Бенедикту – ему от нее не избавиться НИКОГДА». Ходоки с далекого юга утверждали, что она действительно предприняла попытку вернуться и бежала от отряда вооруженных стражей, который сопровождал ее в монастырь, однако в пути назад ее вдруг захватил религиозный дух, и она открыла в далеких глухих лесах женский монастырь – обитель святой Бевьевы. Мне что-то не очень верится во все эти бредни. Скорее всего, это просто сказка, придуманная ходоками с целью ублажить короля. За хорошие новости о том, что мать Дартруга увлеклась религией и больше не вернется, Бенедикт пожаловал им по десятку золотых монет каждому и дал столько провианта в дорогу, сколько они смогли унести. Поговаривают, что целый месяц потом у короля было хорошее настроение. Вот уж не думал, что такой человек, как мой суровый отец, может радоваться, как ребенок, сообщению о том, что какая-то сумасшедшая баба больше никогда его не побеспокоит.

Единственная женщина, от которой мой отец не захотел, а может, просто не успел, избавиться, была моя мать. Она умерла от наложенного на нее проклятия незадолго до того, как рядом с королем появилась мать моего младшего брата Фаира по имени Тереса. Люди говорят, она была ведьмой. Впрочем, чего только не припишет молва ослепительно красивой черноволосой женщине с белой, словно снег, кожей и горящими, как угли, яркими, черными глазами. Она пришла откуда-то с юга и сразу же привлекла внимание короля своей необычной, нездешней красотой. Стражей присылать не пришлось, Тереса соблазнила Бенедикта сама. Мне кажется, если бы понадобилось, она сама прислала бы к нему вооруженных посланцев, чтобы только заполучить короля Белирии в свои объятия. Между ними вспыхнуло пламя, но, как всегда, быстро угасло – Бенедикт не умел увлекаться на всю жизнь, попросту говоря, любить...

Когда король встретил мать Лювера, Тереса, уже подарившая Бенедикту сына Фаира, не выдержала его измены и, как гласит легенда, бросилась с южной башни фамильного замка в бурные воды реки Кветри, протекавшей через все Центральное королевство... Впрочем, тела ее так и не нашли. В народе поговаривали, что ведьма, дескать, жива-живехонька и приговорила королю Белирии страшную кару. Бенедикт не верил слухам, как, впрочем, и дурным предзнаменованиям, он вообще не был суеверен, даже не горевал по Тересе, потому что весь

был поглощен своим новым увлечением. Мать Лювера была очень юна и настолько хороша собой, что казалось, будто солнце всходило, когда она появлялась в обеденной зале. Подозреваю, что отношения с ней у отца не сложились в силу неожиданно развившейся у него мужской немощи. Может, это и было страшной карой, уготованной ему Тересой? Как бы то ни было, вскоре после рождения Лювера, когда уделом отца и матери Лювера стали бесконечные ссоры и скандалы, король отослал красотку в одну из провинций, где она очень скоро вышла замуж за ее наместника, чем немало удивила Бенедикта. Он почти не препятствовал счастью молодых, только отослал вскоре герцога на войну с крошечным государством Гермией, где тот странным образом погиб. После этого к Бенедикту зачастили многочисленные лекари и заклинатели, но, видимо, ни один из них так и не смог вылечить постыдную хворь, потому что красоток король больше не выслеживал, увлекся охотой и проведением воинских состязаний, часто сам упражнялся с Габриэлем Савиньи в искусстве фехтования на мечах...

К своим сыновьям от многочисленных красоток Бенедикт относился более терпимо, чем к остальным людям... Все мы росли при дворе, где получили великолепное воспитание и образование. Детство наше было наполнено духом свободы. Отец считал, что большую часть времени мы должны быть предоставлены сами себе. Сполна оценив его систему воспитания, мы постоянно шлялись по дворам и улицам Мэндона, запанибрата общались со своими менее благородными сверстниками, вместе с ними воровали вишни и яблоки у торговцев на базарной площади, ввязывались в кулачные потасовки с простолюдинами и хохотали над потешными представлениями странствующих артистов.

Многочисленные наши учителя и воспитатели были наделены таким малым кругом полномочий, что порой мне становилось их жалко: они опасались лишнее слово сказать потомственным принцам дома Вейньет. Чего доброго, разгневаешь короля Бенедикта, жестокого деспота, и тебе снимут голову с плеч. Сейчас мне кажется, что отцовская воспитательная метода была в корне неверной, потому что все дети Бенедикта, за исключением, разумеется, вашего покорного слуги, стали носителями серьезных педагогических ошибок: все они проявляли лень, скудоумие, неспособность к фехтованию и наукам, которым, кстати сказать, придавалось весьма и весьма немалое значение при дворе.

Так мы росли и мужали в древнем фамильном замке королей дома Вейньет, лишённые родительской ласки. Отец был с нами суров, а порой даже жесток, и так продолжалось бы еще очень и очень долго, но однажды случай на охоте изменил все в одночасье...

В этот день Бенедикт отправился на дальние рубежи: туда должна была вскоре прийти дичь. Загонщики дули в медные трубы, лошади храпели, собаки брали след – все было как всегда, как повторялось каждый девятый день на протяжении вот уже нескольких десятков лет. И вдруг небо неожиданно стало меркнуть, его затянуло свинцовыми тучами, поднялся сильный ветер, закруживший в дьявольском хороводе осеннюю листву. Бенедикт в недоумении поднял голову, разглядывая черноту над головой, а потом небосвод с яростным треском прорезала молния и попала в королевского коня. Бенедикт Вейньет почти бездыханный упал и сильно ударился о землю. Многие подданные, бывшие в тот день с королем, утверждали, что в небе, там, где сходились свинцовые тучи, чтобы поразить монарха стремительной молнией, можно было различить разъяренное лицо Тересы, но им, конечно, никто не поверил. Откуда в небе взяться лицу бывшей возлюбленной короля, если она много лет назад утонула в Кветри? А может, это было второй частью проклятия?

Отца принесли домой на деревянных носилках и положили в постель. Там он, мгновенно постаревший и почти неживой, лежал, а запах обгорелого тела разносился по всему замку.

– Фу, – сказал Лювер, зажимая нос рукой, – это что, папа так воняет?

– Заткнись, – побагровев от гнева, Дартруг отвесил ему сильный подзатыльник, – а то ты сам сейчас у меня завоняешь.

Лювер захныкал и убежал, а Дартруг отправился наверх, чтобы выслушать последнюю отцовскую волю. Из комнаты отца он вышел в растерянности и уставился на меня, выражая всем своим видом искреннее сочувствие.

– Не понимаю, что такого ты натворил, – сказал Дартруг, – ты вроде, как всегда, был сообразительным, ничего плохого не делал, иди, он хочет тебя видеть.

Я быстро поднялся по лестнице. Запах гари все больше усиливался, он стал совершенно невыносим, когда я вошел в королевские покои и приблизился к постели, которая стала смертным ложем сурового деспота – Бенедикта Вейньета. Отец смотрел на меня с неведомым мне раньше чувством. Глаза его светились теплотой и скорбью угасания. Он устало проговорил:

– Садись, Дарт.

Я поспешно уселся на стоявший возле его постели стул.

– Дарт, – сказал отец, – ты, без сомнения, мой самый любимый сын... Во всех дисциплинах ты преуспел более своих братьев, ты умнее, сильнее, лучше их, а потому я уверен, – тут он грустно, со скрытой скорбью, вздохнул, – что ты о себе сможешь позаботиться. Они же нет. Им я оставляю в наследство герцогства, которые после моей смерти станут королевствами... Северное королевство Дагадор – для старшего, упрямого Дартруга, продуваемый ветрами Вейгард – инициативному Виллу, трусливый Преол получит плодородный Гадсмит, глупый Алкес – грязный Стерпор, красочный Невилл достанется Люверу, а Центральное королевство, наш дом и наш оплот, я планирую отдать Фаиру; бедняжка, он самый неустроенный в жизни, да он – просто сумасшедший. Без владения обширными землями и большим количеством людей он непременно пропадет. Ты же, Дарт, получаешь от меня самое ценное – мудрый совет: не теряй времени даром – и возьмешь от жизни больше, чем они унаследуют.

Тут Бенедикт надолго закрыл глаза, мне показалось, что он умер. Я поднялся и отправился восвояси...

– Ты куда, Дарт? – услышал я вдруг его скрипучий голос.

– А-а-а. Никуда, я так, размять ноги. – Я вернулся и снова занял место на стуле возле смертного одра...

– Не знаю, понимаешь ли ты, Дарт, что я хочу тебе дать? – проговорил он, чуть помолчав. – Я хочу дать тебе настоящее счастье, счастье добиться всего самому. Ведь то, что зарабатываешь потом и кровью, обычно приносит куда больше радости.

«Да ну?!» – подумал я, но отец так кротко на меня смотрел, одержимый своей безумной «мудростью», что я стал сам себе неприятен со своей неумной алчностью; приподняв холодную ладонь отца, я поцеловал ее и проговорил:

– Конечно, папа, огромное тебе спасибо, я так ценю этот бесценный дар, я буду стараться, чтобы оправдать твое доверие.

Отец просиял.

– Я в тебе не ошибся, – прохрипел он, глаза его закатились, и он умер.

По крайней мере, я подарил ему несколько счастливых мгновений перед смертью. Несмотря на то что внешне я сохранял спокойствие, решение короля поразило меня до глубины души. До злополучного дня его гибели мне не приходилось задумываться о своей дальнейшей судьбе.. Теперь же тень нищеты вдруг встала у меня за спиной, она потирала экзема-тозные ладони и радостно скалила гнилые зубы. Мои родители мертвы. С братьями у меня весьма натянутые отношения, а вскоре и вовсе испортятся, ведь они будут купаться в роскоши, а мое будущее вдруг оказалось весьма туманно...

После восшествия принцев Вейньет на престолы герцогства приобрели статус королевств, а герцоги, ранее управлявшие провинциями всецело, сделались советниками юных монархов в делах, потому что разбирались в них куда лучше любого из моих ограниченных, но, как оказалось, весьма удачливых братьев. Разумеется, кое-кто из герцогов таким поворотом в

своей судьбе был недоволен – приходилось расставаться с властью. Но им пришлось смириться с присутствием на троне законных наследников.

Как сейчас помню тот день, когда Дартруг, одетый в зеленый плащ Дагадора, на лошади с салатовой попоной выезжал из ворот фамильного замка в сопровождении десятка воинов. Свиту он тоже облачил в зеленые тона. Молодые крепкие воины весело переглядывались: впереди предстояла служба при короле, на полном довольствии, с хорошим жалованьем. Они дождались своего звездного часа, будущее их было определенным и светлым. На крепком лице новоиспеченного монарха Дагадора застыло выражение бесконечной гордости. Он обернулся напоследок и немедленно наткнулся взглядом на мою одинокую фигуру. Я стоял немим укором своим высокопоставленным братьям на одном из западных балконов замка. Дартругу мгновенно стало неуютно, он поспешно отвернулся – лишенный наследства, теперь я у всех вызывал жалость и сострадание. Народ Центрального королевства даже проникся ко мне искренней симпатией: наверное, свою бедность он ассоциировал с моей несчастной долей...

Один за другим братья покидали гостеприимные своды фамильного замка, где теперь должен был обосноваться Фаир. Он был моложе меня всего на год, но выглядел намного старше своих лет. У него уже отросли черные как смоль усы и тонкая бородка, которую его личный брадобрей регулярно подстригая. К моменту смерти отца Фаиру как раз исполнилось двадцать – неплохой возраст, чтобы взойти на престол Центрального королевства. Фаир уже дал мне понять, что в пределах своей вотчины наблюдать меня ему будет крайне неприятно. Наши отношения и так были накалены до предела, теперь же он почувствовал запах власти и возможность рассчитаться со мной за все.

– Убирайся по-хорошему, Дарт – сказал он, скривив тонкие губы, – или я положу конец твоей никчемной жизни.

Я уже начал тянуть из ножен меч, но на его стороне была вся королевская стража, они вдруг поднялись плотной стеной, со звоном обнажая оружие. Тут я понял, что дело запахло жареным и мой братец собирается покончить со мной прямо сейчас.

– Стойте, стойте, – сказал я, – не будем горячиться, я уезжаю.

– Постарайся сделать это как можно скорее, пока я не убил тебя, – сухо сказал Фаир.

– Хорошо, я сделаю это немедленно, только соберу вещи в дорогу...

Взяв кое-что из провианта и одежды, я сложил все это в седельные сумки и уселся на коня, которого мне пожаловал Бенедикт. Больше у меня ничего не было – после смерти отца почти все имущество в фамильном замке и прилегающих к нему территориях, за исключением некоторых вещей, специально оговоренных королем в завещании, принадлежало Фаиру. Так я отправился в путь.

Выезжая из ворот родительского дома, в одночасье ставшего для меня чужим, я даже не представлял, куда мне направиться. Конь мой медленно брел мимо дубовой рощи, а в небе над головой вились черные вороны.

Ваше Величество,

при всем уважении к Вашему опыту и здравомыслию, смею уверить Вас, что Вы возложили на меня совершенно невыполнимую задачу, когда потребовали, чтобы я, простой служитель Бога, привел Вашего сына к вере. Вера дается каждому с рождением или приходит с опытом. Ваш же сын, не прогневайтесь, Ваше Величество, представляется мне и вовсе человеком совершенно неспособным к любому духовному опыту. Он смотрит на меня лукавыми глазами и вместо того, чтобы читать предлагаемую ему для ознакомления церковную литературу, пытается пошатнуть мою веру, зачитывая громогласно отрывки из греховных книг. Вот уж не думал, что их так просто достать в наше время при королевском дворе, когда церковный дух весьма и весьма силен в народе Белирии...

Засим уповаю на Вашу милость и прошу освободить меня от этой в высшей степени сложной и тягостной миссии.

Письмо священника анданской церкви отца Лъесьена королю Бенедикту Вейньету

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В ней немного рассказывается о братских чувствах, а также исследуются патологические наклонности и зловещие устремления

Фаир, получивший во время правления в Центральном королевстве прозвище Бессердечный, был, вне всяких сомнений, самым неприятным из моих братьев. У него были унаследованные от матери черные волосы, маленький вздернутый нос, густые кустистые брови вразлет и дурная привычка постоянно их хмурить. Телосложения Фаир был хрупкого, но в подвижных играх, когда он еще принимал в них участие, был весьма ловок, а в фехтовании и стрельбе из лука превосходил всех остальных сыновей короля Бенедикта, исключая, разумеется, вашего покорного слугу – тягаться со мной уже тогда было пустой тратой времени. Я с рождения обладал мгновенной реакцией и настолько точно рассчитывал траекторию обманных движений и силу ударов, что оказывался победителем практически в любом поединке.

Габриэль Савиньи как-то сказал мне, что, пожалуй, мной единственным из всех принцев Вейнэт он действительно может гордиться, потому что я являю собою тот редкий случай, когда ученик превзошел своего учителя. После похвалы великого фехтовальщика я стал тренироваться еще упорнее и со временем достиг небывалых высот мастерства. К тому моменту, как я приехал в Стерпор, я был уже, без преувеличения, лучшим мастером меча в Белирии. А возможно, и во всем мире. Правда, последнее время практиковаться мне приходилось в основном на бедолагах, чье искусство было совсем невелико, в лучшем случае они знали пару-тройку отработанных финтов, но я постоянно шлифовал мастерство, упражняясь в одиночку, так что силы мои, несмотря на неудачи в общественной жизни, все время прибывали.

Мне удавались также разного рода трюки. Я мог жонглировать двумя мечами и длинным кинжалом, ловил напоследок острый клинок зубами, а рукоятки мечей ложились в мои вовремя подставленные ладони. Я скакал на лошади и разрубал на ходу стоявшее на голове одного из бледных придворных яблоко на две половины. Признаться, этот трюк дался мне далеко не сразу, частенько я срубал вместе с яблоком часть головы, но тренировки, тренировки и еще раз тренировки – и через несколько месяцев упорных занятий я уже вполне ловко выполнял его, к радости короля Бенедикта. Король хлопал в ладоши и искренне радовался, глядя на то, как я стремительно мчусь, пришпорив скакуна, затем клинок в моей руке приходит в движение, со свистом рассекает воздух – и куски яблока разлетаются в разные стороны, а бедолага, чьей головой я воспользовался на этот раз, испытал мгновенное облегчение (часто в буквальном смысле), падает без чувств. Обладая отличным слухом, я мог также с завязанными глазами сражаться с двумя противниками, ориентируясь исключительно по звуку. Одним словом, в освоении фехтовальной науки равных мне не было. Как только в моей руке оказывался меч, пусть даже и деревянный на первых порах, он становился продолжением моей руки – и клинок разил, не зная устали.

Фаир завидовал по-черному. Наблюдая за моими успехами в искусстве фехтования, глядя на то, как мы с Габриэлем Савиньи грациозно танцуем в тренировочном бою, делаем быстрые выпады и взмахи, а серебристые лезвия со свистом рассекают воздух вокруг нас и делаются почти невидимыми в своей стремительности, он хмурился, в ярости жевал тонкие губы и морщил нос. Осознание того, что он так навсегда и останется вторым, что ему не удастся превзойти меня в этом великолепном искусстве, не давало ему покоя. Иногда я поддразнивал его:

– Ну что, Фаир, может, немного пофехтуем?

– Отстань, – ворчливо говорил он, и глаза его вспыхивали холодным пламенем.

– А что так? Не хочешь?

Причина его нежелания фехтовать со мной была самой банальной. Однажды я крепко заехал ему тренировочным мечом по уху. Ухо покраснело, распухло и торчало неестественным огненным полукругом. Фаир жестоко мучился от боли и унижения, он бродил в окрестностях замка, а при встрече со мной у него был такой яростный вид, что мне казалось, будто я слышу, как скрежещут его зубы. После этого случая фехтовать со мной Фаир всегда отказывался. А ведь я не просто так провел эту профилактическую работу – было за что ему врезать.

Помню, я был поражен до глубины души, когда, прогуливаясь однажды по прилегающему к лесу оврагу, увидел, что Фаир сжег на костре рыжего кота, которого я, да и все остальные нередко подкармливали. Кот был всеобщим любимцем, и даже суровый Бенедикт порой, если рыжий попадался ему на глаза, ловил его и гладил до тех пор, пока животное не начинало вырываться. Тогда Бенедикт бережно опускал кота на землю и с улыбкой смотрел, как тот улепетывает. И вот теперь он был мертв по воле жестокого Фаира. Все то время, пока животное билось в муках, живодер стоял и наблюдал. Когда я подбежал к Фаиру, в его глазах я отчетливо узрел розоватую дымку наслаждения от созерцания боли живого существа. Я принялся трясти Фаира за плечи и орать: «Зачем ты это сделал?! Зачем?!» Мои крики его мало взволновали, он облизнул сухие губы и проговорил:

– Видел бы ты, как он горел!

Я отшатнулся. Откровение брата вызвало у меня оцепенение. Со странным чувством, что поведение Фаира остается для меня за гранью всякого понимания, я пригрозил ему, что, если он еще сделает что-то подобное, я его прикончу, затем медленно побрел к замку... А он остался там, в лесу, все продолжал глядеть затуманенным взором на пепелище и кусать до крови тонкие губы...

А несколько месяцев спустя Дартруг обратил мое внимание на то, что кто-то ловит ворон, ломает их блестящие смоляные крылья и вешает на деревьях вокруг фамильного замка...

– Какой-то живодер у нас тут объявился, – с неудовольствием проговорил Дартруг, – вот попрошу своих ребят, пусть подкараулят его. Поймать – и с живого шкуру содрать...

– Хорошая идея, – откликнулся я.

Через некоторое время развлечение с воронами наскучило мучителю. Оставив птиц в покое, юный Фаир нашел себе новую забаву. Как-то раз я оказался в его комнате. Отец попросил меня срочно позвать Фаира, так и не докричавшись, я толкнул дверь, оказалось, что она не заперта. Тогда я вошел и прямо посреди комнаты брата обнаружил самодельную гильотину с отчетливыми бурыми пятнами на деревянной подставке. Лезвие было настолько остро отточено, что я едва не обрезал указательный палец, когда прикоснулся к нему.

Должно быть, Фаир ловил дворцовых мышей и развлекался, отсекая грызунам головы. Что он испытывал при этом? Мне вспомнились его подернутые дымкой наслаждения глаза, и я в ужасе затряс головой, отгоняя неприятное видение.

Он вызывал у меня даже не ярость. Врожденной жестокостью, ненавистью ко всему живому Фаир вызывал у меня омерзение и острое желание раздавить гадину. Удар деревянным мечом – первое, что я предпринял, чтобы хоть немного охладить яростное чувство, которое все больше крепло во мне. Но на его испорченное сознание удар не оказал никакого воздействия.

По мере того как мы росли, вид у Фаира делался все более и более угрюмым, он уже не участвовал в совместных играх, не занимался фехтованием и стрельбой из лука, все больше отдалялся от остальных, предпочитая одиночество. И книги. Впрочем, далеко не всякую литературу, а по большей части оккультную. Тяжелые тома в переплетах из черной кожи, тисненными золотыми буквами. Он всюду таскался с трудами Агадона Разлучника, его привлекали опусы заклинателей и нумерологов, он вникал в толкования сновидений и изучал способы гадания по звездам. Что касается наук, имевших гораздо большее отношение к реальности, чем вся-

кий оккультный бред, то к ним странный мозг Фаира совсем не был расположен. Когда все мы изучали алхимию, физические свойства тел, математику и языковые дисциплины, Фаир брезгливо морщился в ответ на слова учителей, а затем застывал и глядел в одну точку. Он концентрировал свой разум на чем-то постороннем, а может и потустороннем, и докричаться до его сознания, находящегося где-то очень далеко, было совершенно невозможно. Учителя вскоре махнули на Фаира рукой: этому мрачному принцу вся их ученая премудрость была ни к чему – он развивал в себе другое предназначение.

Отец был безутешен, глядя, как один из его сыновей все больше уходит от реальности в мистицизм. Он перепробовал все, чтобы отвести Фаира от занятий колдовством, даже пригласил священника анданской церкви, которого сам же потом приказал гнать прочь со двора «поганой метлой», но все попытки Бенедикта переделать сына на свой лад не увенчались успехом: Фаир все больше напоминал свою мать – Тересу, о которой в народе укоренилась дурная слава ведьмы. Отношение это теперь проецировалось и на Фаира – его считали человеком с дурным глазом и черной душой, старались не попадаться ему на глаза и не разговаривать с ним. Люди отворачивались, когда мой младший брат шел по улицам Мэндома, они начинали поспешно креститься, завидев в отдалении его худую темную фигуру...

Помнится, король в желании переделать сына даже вызвал для него девушку легкого поведения по имени Липси. Отец надеялся, что ее визит может хоть как-то исправить искаженную личность Фаира и вернуть его к простым и славным земным ценностям, таким как секс и охота. В сопровождении нескольких стражей ее, несколько нетрезвую и, может быть, от этого постоянно сквернословящую, привели во дворец. Король был суров с девушкой, он кратко ввел ее в курс дела, доверительно сообщил, что речь идет об одном из его младших сыновей, который совершенно не приспособлен к жизни и неизвестно, что с ним будет, если Липси немедленно не заинтересует его чем-нибудь более увлекательным и волнующим, нежели мистицизм. Липси поняла задачу и решила, что просветить подростка, пусть и королевской крови, ей вполне по плечу. Оказавшись в покоях Фаира, которые в тот момент были пусты, она немедленно разделась и легла в его постель. Липси не спала, ожидая прихода своего подопечного, она отнеслась к своей миссии очень ответственно и собиралась исполнить ее как можно лучше.

Фаир пришел во дворец за полночь, он тихо прикрыл за собой дверь и крался в темноте, стараясь нащупать очертания кровати, когда его ухватили жаркие девичьи руки. В следующее мгновение он ощутил, что кто-то резким движением сдергивает с него штаны и хватает за детородный орган. Протяжный крик смертельно перепуганного любителя оккультных наук прокатился по коридорам дворца. Когда королевская стража прибежала в покои Фаира, окровавленная девушка в бессознательном состоянии лежала на полу, а он яростно колотил ее бронзовым канделябром по голове. Мрак рассеялся, Фаир увидел, что имеет дело с девушкой, а не со страшным монстром, вызванным его греховными занятиями, отбросил свое оружие и отвернулся к окну. Что он переживал в эти секунды, можно только догадываться, но, когда вновь взглянул на свою жертву, по словам стражников, в глазах его не было и тени сожаления.

– Уберите ее вон, – приказал Фаир.

Узнав о случившемся, король Бенедикт сильно опечалился и стал собираться на охоту...

По мере того как мы выросли, характеры братьев проявлялись все более отчетливо. И если их патологические черты можно было как-то перетерпеть, то нрав Фаира с возрастом становился все более и более невыносимым. Он уже не скрывал лютой ненависти ко всем и вся, яростно огрызался, если к нему обращались воспитатели и учителя, смачно сплевывал на пол, чем вызывал во мне еще большее омерзение, и поминутно бормотал проклятия. Он все реже вступал в разговоры с нами, высокомерно задирал маленький подбородок, если к нему обращались, и почти совсем прекратил мыться – от него несло несвежим духом, а если кто-нибудь пытался обратить его внимание на этот факт, Фаир выходил из себя...

Стычки между нами происходили все чаще. Меня раздражала его переходящая все границы злоба и безудержная гордыня, а он завидовал моим успехам в фехтовании и легкости, с которой я добивался всего, чего хотел. Включая расположение женского пола. Однажды он застал меня целующимся с Гретой, гостившей у нас дочкой герцога Гадсмита, за замковой кузницей. Из всех принцев, активно ухлестывавших за ней, Грета предпочла меня, потому что я был самым привлекательным и остроумным.

Вонючий Фаир был отвергнут ею в первый же день визита. Да и ухаживания его, к слову сказать, не отличались галантностью. Застав Грету в моих объятиях, он свирепо сверкнул глазами-и, сплюнув на землю, поспешно удалился.

– Чего это он? – с удивлением спросила Грета. Я покрутил пальцем у виска, и она звонко рассмеялась...

– Он всегда такой?

– Нет, раньше он был намного хуже, но потом я стукнул его мечом по уху, мозги у него немного сместились ближе к тому месту, где им надлежит быть.

– Какой ты смешной, Дарт, – проговорила Грета и провела тонким пальчиком по моей щеке. – Скажи, когда ты вырастешь, ты возьмешь меня в жены?

– Я уже вырос, – ответил я, заходя к ней сбоку и с интересом ощупывая маленькую девичью грудь, – и легко могу это доказать...

Когда Фаиру было шестнадцать, я как-то невзначай поинтересовался, когда мы столкнулись в одном из замковых коридоров:

– Ну что, живодер, не вешаешь больше ворон, не рубишь головы мышам?

Он внимательно посмотрел на меня, взгляд был похож на тот, в детстве, когда он сжег на костре кота, и проговорил:

– Видел бы ты, как они умирают!

Я кинулся на него с кулаками. Физически он был намного слабее, но бить его я не стал, испытывая сильное отвращение от его ненормальной худобы и от запаха давно не мытого тела. Я не нашел ничего лучше, как ухватить его за уши и сильно выкрутить их.

– Ну как тебе нравится, живодерище?!

Он попытался сопротивляться, но это было бесполезно. В то время я уже превратился в высокого и ловкого юношу с крепкими мускулистыми руками. Кулаки я частенько пускал в ход, участвовал почти во всех крупных городских потасовках, так что отодрать за уши длинного, тощего Фаира не представляло для меня никакой физической, а тем более моральной, тяжести. Я был свято уверен в том, что любой негодяй рано или поздно должен быть наказан. Пусть даже таким простым способом, как выкручивание ушей. Хотя убийство, несомненно, гораздо лучше, ведь это единственная возможность избавить мир от отвратительного субъекта навсегда.

Он почти завизжал:

– Дарт! Дарт! Я же просто хотел тебя позлить!...

Когда я отпустил его пострадавшие уши, он отбежал от меня подальше, обернулся, сплюнул на пол, поднял правую руку и, скрестив пальцы, пообещал:

– Ты еще пожалеешь об этом, вот увидишь, ты сильно об этом пожалеешь...

– Поглядим, – откликнулся я, – может, пофехтуем сегодня?

Фаир резво повернулся и потрусил прочь. Спину он согнул, а голову вжал в плечи, словно ожидал, что я прыгну на него сзади и ударю кулаком в затылок. Но я не стал его преследовать, некоторое время презрительно смотрел, как он удирает, а потом отправился восвояси, размышляя о том, что, не будь он моим братом, я бы давно его прикончил.

Как-то раз мы столкнулись гораздо серьезнее. Началось с того, что я оказался свидетелем разговора Фаира с одной сельской девушкой. Она была бедной сиротой и зарабатывала себе на жизнь, продавая собственное тело тем, кто мог и хотел за него заплатить. Насколько я

знал, после прискорбного случая с Липси отношения с девушками легкого поведения у моего омерзительного брата складывались не самые теплые.

Я шел мимо кожевенной лавки, когда услышал до боли знакомый голос Фаира. С годами в нем звучали почти змеиные отголоски – появилась вкрадчивость и едва уловимое шипение. Фаир словно не говорил, а нашептывал.

Они стояли за углом дома. Мой брат и эта бедная девушка. Я подошел ближе, стараясь не поднимать шума, и замер, вслушиваясь в звук гадкого голоса...

– Это ведь пус-стяки для тебя... не правда ли? Тебе ничего не с – стоит проделать это... – говорил Фаир. Его слова звучали убедительно и мягко, словно он старался околдовать сироту.

– Нет, нет, я не могу... Это похоже на служение темным силам, а я верю в добро. Вот мой крест!... – с ужасом выкрикнула она.

– Крес-ст... крес-ст, – передразнил ее Фаир, – прекрати нес-сти ерунду, хорошо? Андан далеко. А ты – блудница, здес-сь каждый об этом знает. С-совокупля-ться с незнакомым мужчиной для тебя не грех, а поучас-ствовать в важном ритуале ты с-считаешь грехом...

– Но ведь это... Этот ритуал, это... Богохульство! Настоящее богохульство.

– Что ты знаешь о боге, – презрительно изрек Фаир, – бог живет во мне... Он вс-егда со мной... Ты с-делаешь это...

– Нет-нет, я не могу...

– Ты сделаешь это! – Фаир возвысил голос.

– Нет... Нет! Отпустите меня. Прошу вас.

Послышался звук пощечины, и девушка закричала. Я решил, что настало время мне появиться, и вышел из-за угла. Девушка держалась за правую щеку, Фаир держал ее за локоть и заносил руку для нового удара.

– Эй ты, – мрачно сказал я, – снова развлекаешься?

Фаир резко обернулся и отпустил девушку. Его лицо исказила гримаса ярости.

– Это не твое дело, Дарт, – прошипел он, – я пыта-юс-сь нас-ставить эту ш-шлюш-шку на путь ис-стинный.

– И что, метод физического воздействия работает?

– Ещ-ще как, – криво усмехнулся Фаир, – погляди на нее, она уже исправляется.

– А как ты думаешь, – поинтересовался я, – если я сейчас влеплю тебе хорошую оплеуху, ты тоже начнешь исправляться?

– А-а-а, я понял, – Фаир сделал шаг назад, – ты ведь давно меня ненавидиш-шь, очень давно... И что, спраш-шивается, я тебе сделал? Чем не угодил? Почему... почему я тебе не нравлюс-сь?

– У тебя лицо неприятное... – сказал я... – А еще там, где ты находишься, начинает вонять.

Фаир едва слышно заскрежетал зубами, при упоминании о запахе он всегда выходил из себя.

– Ты ненавидиш-шь меня, – пробормотал он и сплюнул на землю, – ненавидиш-шь... Ну и прекрас-сно. Я тоже тебя ненавижу. Ненавижу!

Он стремительно развернулся на каблуках и уставился на девушку:

– Пос-следний раз предлагаю, не думал, что ты откажешься от хороших денег, пой-деш-шь со мной?

– Нет, – решительно ответила она.

– Ну что ж, пеняй на с-себя... Найду другую...

И он пошел прочь. Теперь от его стремительной походки за версту веяло уверенностью, бордовый плащ развевался на ветру. Он не стигал спину и не боялся, что я нападу на него. С ним явно произошли какие-то перемены, которые внушили ему чувство собственного превосходства над другими и силы.

– Спасибо. – Девушка подошла и сжала пальцы на моей ладони. – Вы не дали ему заставить меня пасть слишком низко, еще ниже, чем я могла себе позволить.

– О чем он просил тебя? – поинтересовался я, хотя и так смутно догадывался, чего хотел мой мистически настроенный брат.

– О страшных вещах... О греховных вещах... – дрожащим голосом ответила девушка.

– Понятно. Это что, как-то связано с колдовством?

– Да. О, это ужасно... – Она закрыла лицо руками и разрыдалась. – Он страшный человек...

– Ясно, я всегда говорил, что у него не все дома... Ну хорошо, куда мы пойдем?

– Мы? Пойдем? – Она отняла ладони от лица и удивленно вскинула брови.

– Ну, конечно, – рассмеялся я, – ты же должна отблагодарить меня за спасение. Что я тут, просто так с братом в пух и прах разругался?!

Магические ритуалы, которые проводил Фаир, были скрыты ото всех пеленой тайны. Он отыскал в селении, располагавшемся южнее границ фамильного замка, седовласого старика-заклинателя. С ним много лет никто не общался, потому что у него было темное прошлое, и люди знали, что старик таит в себе опасность. Даже имя его так давно не произносили вслух, что уже успели позабыть. Старик жил ловом рыбы. С вечера он уходил на дальнюю излучину реки Кветри и всегда возвращался с кованым садком, полным карасей и мелких речных карпов. Как Фаир умудрился расположить к себе этого нелюдимого отшельника, не знаю, но уже очень скоро они стали совершенно неразлучны. Наверное, старик-заклинатель принимал участие в ритуалах Фаира, а может, руководил ими. Они уходили на дальнюю излучину вдвоем, люди вылядывали из окон домов вслед двум темным фигурам, медленно бредущим навстречу закату, и торопливо крестились.

Слухи о дружбе Фаира с заклинателем и о ритуалах, которые они проводили, быстро дошли до короля. Бенедикт призвал к себе сына и приказал ему прекратить водить всякое знакомство со «старым ублюдком», но тот ответил, что этот старик – лучший друг, какой у него когда-либо был, он учит его жизненной премудрости, а ритуалы – это просто выдумка нехороших, завистливых людей. Бенедикт не стал прислушиваться к словам сына и был неумолим – старик ему решительно не нравился. Он навестил заклинателя лично и пригрозил отсечь ему голову, если еще хоть раз застанет их вместе с сыном. Фаира отношение отца к его дружбе со стариком никоим образом не взволновало, как, впрочем, и заклинателя, которого пытался запугать Бенедикт, – они продолжали встречаться. Узнав о подобном неповиновении, в один из вечеров Бенедикт отправил следом за сыном небольшой отряд вооруженных воинов, которые застали на месте избушки старика выжженное пепелище. А сам заклинатель исчез...

Он объявился много лет спустя, когда король Бенедикт уже лежал в могиле, а Фаир взошел на престол Центрального королевства. Явившийся с того света старик был принят с распростертыми объятиями и стал первым советником Фаира во всех делах. Люди стали замечать, что после возвращения заклинатель как будто помолодел. Затем его возраст стал делаться все более неопределенным, среди седых волос появились темно – русые пряди, прежде изборщенное морщинами лицо разгладилось, пятна на желтой коже поблекли, а потом и вовсе исчезли, да и сама кожа оздоровилась и приобрела молочный оттенок. Так что стариком его назвать уже было нельзя. Все звали его просто – Заклинатель. Но все это было много позже...

После моего изгнания из родного дома мне довелось встретиться с Фаиром лишь однажды, было это в лихой период моей несчастливой жизни. Когда давление конкурентов на мою шайку стало слишком сильным и нас стали выживать с торгового тракта более многочисленные группы разбойников, я вместе с отрядом отчаянных головорезов решил посетить земли, когда-то принадлежавшие моему отцу. Плодородный чернозем Центрального королевства всегда щедро одаривал местных жителей. Я предпринял поход, чтобы опустошить

кошельки зажиточных селян. Но оказалось, что всем моим надеждам на благоприятный исход предпринятого похода не суждено было осуществиться.

Когда мы придвинулись к границам королевства, первое, что мы увидели, были люди, повешенные на высоких приграничных столбах. Их было много, очень много. Иссохшие группы болтались на пеньковых веревках, другие истлевшие тела лежали на земле. Создавалось впечатление, что они цепляются за нее скрюченными пальцами, хотят вползти под землю. Мертвецы теперь служили украшением границ Центрального королевства. Зрелище было настолько отталкивающим, что даже выдавшие виды разбойники сильно забеспокоились.

– Эй, Дарт, а ты уверен, что нам надо идти дальше? – крикнул один из них.

Здесь было о чем призадуматься... Мне стало совершенно ясно, что сдвиги моего младшего брата все то время, что я его не видел, прогрессировали, и едва в его руки перешла верховная власть, он использовал ее для того, чтобы копившаяся внутри него злоба развернулась в полной мере. Она жила в нем с самого детства и вот теперь вырвалась в свет...

Я сказал своим головорезам, чтобы они возвращались, а сам с двумя наиболее преданными мне людьми направился дальше... Мы пересекли границы Центрального королевства, добрались до ближайшей деревни, где я убедился, что меня никто не узнает, и, организовав себе нехитрым путем запасы провизии, продолжили свое путешествие к столице...

По дороге нам предстояло увидеть картины всеобщего запустения и разрушения, страна была повергнута в нищету, немногочисленные жители собирали ягоды, грибы, сдирали кору с деревьев, жевали корни, чтобы только не умереть с голоду. Почти во всех деревнях стояли наспех сколоченные виселицы, а на пришедших в негодность дорогах то и дело попадались обглоданные воронами мертвецы. Складывалось впечатление, будто в Центральном королевстве идет гражданская война, а на самом деле таким образом наместники Фаира Бессердечного наводили порядок. Я испытал неподдельный ужас от всего увиденного...

Мэндом, напротив, был полон народа. В поисках лучшей жизни население Центрального королевства устремилось к крупным городам, лишь для того, чтобы оказаться подальше от жестокостей, совершаемых наместниками. К тому же люди считали, что в столице им будет проще выжить в условиях стремительно подступающего голода...

Мы смешались с толпой на площади, стараясь продвинуться как можно ближе к замку. Мне хотелось посмотреть, что стало с родительским домом за время моего отсутствия. Замок почти не изменился, но я должен был констатировать, что за прошедшее время изменились люди в Центральном королевстве. Среди них царило веселье и оживление. Они праздновали... публичную казнь... Тринадцать несчастных стояли на эшафоте с надетыми на головы мешками, а неподалеку натягивал перчатки на волосатые руки огромного роста тучный палач.

Фаир сидел на балконе в бархатном кресле, еще больше похудевший, с длинными соляными волосами. Казалось, он был чем-то одурманен, потому что глаза его блуждали почти без всякого выражения. В них царили черная пустота и безразличие. Рядом с ним на дворцовом позолоченном стуле сидел Заклинатель. Я отметил, что по возрасту он почти сравнялся с Фаиром, сделался молод и бледен кожей. Его глаза едва заметно поблескивали. Даже отсюда, снизу, было видно, сколько в них таится хитроумия и горделивой власти. Заклинателю явно доставляло удовольствие происходящее. Он повернулся к Фаиру и, оскалив белые зубы, что-то быстро проговорил. В ответ Фаир криво усмехнулся, поднял вверх руку и опустил ее. Это был сигнал к началу публичной казни. Если бы я добрался до него на этот раз, то уже не дергал бы за уши, а, по меньшей мере, оторвал бы их.

Если корень тонколистоного есеня истолочь в порошок, добавить несколько перьев мандрагоры, слюну отягощенной бременем дрофы, несколько щепоток соли и пепла, все это залить густым раствором из свежей крови и сургуча, а потом дать выпить кошке, то она сдохнет...

Даже неудачный опыт приводит к смертельному результату. Значит ли это, что большинство магических рецептов смертельно опасны, или это значит, что смерть – лучший выход для существа, столкнувшегося с проявлением магического умения существа более высокого порядка? Скорее всего, и то и другое утверждение можно считать верным...

Записи Фаира на полях подаренной ему Заклинателем магической книги

ГЛАВА ПЯТАЯ

В ней рассказывается о том, как умную голову посещает идея, в корне меняющая пустую жизнь ее обладателя

Поскольку я совсем ничего не умел делать, кроме как управлять государством и решать государственные задачи (да и не было у меня особой склонности заниматься чем-нибудь другим), я решил пока пожить у кого –нибудь из братьев и осмотреться. Кто знает, может быть, с божьей помощью я смогу найти занятие по душе, и оно позволит мне безбедно просуществовать до самого конца моих дней.

Иногда бывает и так, что поиски достойного занятия занимают всю жизнь. Но все же главное в этом деле – ни в коем случае не спешить. А то недолго и ошибиться. Найдешь, скажем, какое-нибудь занятие, которое тебе покажется достаточно привлекательным. Например, работа смотрителя в притоне, где полным-полно симпатичных дамочек, готовых каждый час дарить тебе свою благосклонность. Ты этим активно пользуешься и живешь полнокровной жизнью, по крайней мере, так кажется тебе, а потом вдруг, в самом конце жизни, начинаешь осознавать, какой пустой она оказалась, наполненной одними удовольствиями, без тени смысла... Страшная перспектива, что и говорить. Или место дегустатора светлого эля при городском совете. В обязанности твои входит с утра обходить всех предпринимателей, которые варят эль, все питейные заведения, где его подают, и дегустировать, дегустировать и еще раз дегустировать... И опять же – жизнь твоя будет легка и промчится, как одно мгновение, а в конце концов ты вдруг поймешь, что она была совершенно бессодержательной, и тогда поневоле позавидуешь тому, кто прожил ее полновеснее и увлекательнее, тому же смотрителю в притоне, например. И снова – перспектива не самая радужная. А потому спешить в определении рода своих занятий я вовсе не собирался...

Для начала я направился на юг, к Виллу, в Вейгард, солнечное королевство, продуваемое ветрами. Южной границей Вейгард упирался в массивную горную гряду, так что ветры обыкновенно отталкивались от нее и возвращались, чтобы задуть снова. Гряда эта простиралась на много миль дальше на юг, а вершины подпирала синее небо. Сомневаюсь, чтобы кому –нибудь удалось когда-либо преодолеть эти высоты¹. Иногда из горной местности прилетали драконы, они совершали налеты на города Вейгарда и даже на его одноименную столицу в поисках драгоценностей. Ну очень любили эти крылатые чешуйчатые твари блестящие камушки и золото, а потому покоя жителям Вейгарда от них не было и в ближайшем будущем не предвиделось. Особенно переживали женщины, любившие драгоценности не меньше драконов. Стоило какой-нибудь красавице надеть бриллиантовое кольцо и выйти в нем на улицу, как небо над ее головой тут же темнело, слышалось хлопанье крыльев, и осторожный коготок ловко поддевал ее обновку. А потом визжи не визжи – ворюга-дракон уже улетел далеко в горы пополнять свою сокровищницу новой блестящей вещичкой.

Казалось, спасу от этой напасти нет, но тут на подмогу людям пришло довольно оригинальное изобретение. Один из жителей королевства соорудил катапульту, швырявшую вверх заостренные кольца. Они со свистом проносились по воздуху и вонзались в живот летучего ящера – самое мягкое и незащищенное место чудовища. Единственным недостатком катапульты была ее неповоротливость – она могла произвести только один выстрел по летящей

¹ На самом деле эту горную цепь с успехом преодолел герой романа «Путешествие Черного Жака», когда бежал с катарских рудников, находившихся по другую сторону гор, а затем заручился помощью одного из тех самых драконов, которые иногда грабили Вейгард

цели. Затем тяжелая машина, управляемая людьми, требовала длительной настройки для нового выстрела. Изобретатель обещал со временем усовершенствовать конструкцию. Но то ли его талант иссяк после того, как он изготовил этот чудесный боевой агрегат, то ли, что весьма вероятнее, получив первый большой куш от продажи машины, он жестоко запил и утратил свой изобретательский дар.

Как бы то ни было, но даже несовершенные катапульти шли на ура, их покупали состоятельные граждане по всему Вейгарду. Среди богачей зародилась даже мода на эти сооружения – катапульти стали частью архитектурного ансамбля, их ставили на крышу здания или на самую высокую башню, откуда можно было вести стрельбу по драконам. Мода, как известно, порождает вещи, порой совершенно дикие. Впав в соревновательный азарт, состоятельные граждане принялись заказывать себе весьма оригинальные средства для защиты от драконов – расписные катапульти, катапульти с резьбой по дереву. Заразившись гигантоманией, богачи принялись заказывать все большие и большие орудия. Кончилось все это тем, что в одном из купеческих домов не выдержала крыша и гигантская катапульта, из которой и стрелять-то было нельзя, настолько она была огромной, рухнула на головы домочадцев незадачливого богача. После этого чрезвычайного происшествия мода на катапульти быстро сошла на нет.

Король Вилл Вейньет не страдал стремлением следовать веяниям моды, он приобрел несколько вполне обыкновенных, но находившихся в полной боевой готовности орудий для защиты столицы, они стояли на городских стенах и ожидали своего часа.

Поскольку столица Вейгард, где располагалась резиденция Вилла, находилась в непосредственной близости от гор, ее драконы атаковали чаще других. Во время последнего налета одного из ящеров удалось ранить. Когда в его белое пузо угодил деревянный кол, ящер яростно завизжал, взмахнул крыльями, развернулся и выпустил из пасти ступок пламени, спаливший боевую машину вместе с людьми, заряжавшими новый снаряд...

Вилл Вейньет считал, что драконы – беда Вейгарда и с ними непременно надо бороться. Ящеры же в целом были весьма безобидны – людей они убивали редко, только если их собственной жизни угрожала опасность, как в случае с катапулью. От природы они были миролюбивы, и, если бы не превышающая все допустимые границы разумного жадность, с ними вполне можно было бы сосуществовать. Тем более что ящеры были неплохими собеседниками, охотно вступали в разговор с людьми. Все помнили историю о том, как однажды молодая девушка подружилась с драконом, он катал ее на спине, возил в горы, где они много болтали о всяких пустяках, и все было бы хорошо, если бы однажды она не упала с его спины и не разбилась. После этого дракон некоторое время вился над городом, повсюду раздавался его жалобный крик, а потом он и вовсе не захотел жить и бросился грудью на скалы... Вот такая история, в которую я поначалу не очень-то поверил. Но поскольку мне многократно пересказывали ее, для большей убедительности выпучив глаза, я начал думать, что, возможно, все так и было.

... Вилл встретил меня довольно радушно, сказал, что рад моему выбору и постарается найти мне применение при дворе. Его слова меня несколько насторожили. Что еще за применение при дворе? Неужели он думает, что я собираюсь работать на благо его короны? Пусть и не надеется. Однако я решил не придавать значения высказываниям брата – может, он просто оговорился.

Мне выделили белокаменные апартаменты с небольшим фонтаном в центре гостевого зала, в котором при желании можно было даже утопиться... ну или поплавать, что я и проделывал, когда сильно уставал от употребления светлого эля. Эль в немалой степени способствовал моим рассуждениям о собственном предназначении в этой жизни. Его я употреблял целыми бочками, ощущая, сколь благотворно он действует на мой организм и мозг... Мои мысли плыли спокойно, почти полностью растворенные его терпкой горечью, я думал о том, что когда-нибудь, возможно, все изменится для меня, я буду мудр и седовлас, я буду управлять

страной, пусть даже небольшой, и мой народ будет любить меня за светлую голову и творческий подход в решении государственных вопросов...

Вилл был характера деятельного, бурного, он обладал врожденной инициативностью, ему всегда нужно было что-то переделывать, искоренять, выкорчевывать, разрушать и заново строить. Вейгард он немедленно переименовал в Виллгард, чем нимало меня позабавил. Да еще заставил летописцев внести изменения во все государственные списки. У главного летописца от пережитых волнений появилась омерзительная сыпь по всему телу, в том числе и на лице, после чего со своей должности он был немедленно уволен. «Таким нервным не место на посту государственного служащего, – сказал Вилл, – к тому же у тебя, похоже, проказа». «Нет у меня никакой проказы!» – закричал летописец, но стражи его взяли под руки и увели.

Увековечив таким простым способом свое имя, Вилл приказал каждого, кто в частной беседе, по недомыслию или по злему умыслу, назовет его королевство Вейгард, подвергать публичной порке, невзирая на общественное положение совершившего проступок. Поскольку название государства – Вейгард сильно укоренилось в сознании граждан, порка очень скоро стала для них вполне привычным делом. Проходя в середине дня по центральной площади, я почти каждый день наблюдал чью-нибудь раскрасневшуюся задницу, по которой уставший палач, стирая с лица тяжелой ладонью пот, звучно хлопал кожаным ремнем. Немного поодаль ожидали своей очереди несколько унылых бедняг со спущенными штанами, чей язык тоже работал быстрее, чем мозги. Палача вскоре пришлось заменить – этот не выдержал темпа работы и умер прямо на рабочем месте – схватился за грудь, пошатнулся и, рухнув на колени, уткнулся в очередную выпоротую задницу костистым носом.

Инициативность Вилла была весьма своеобразной – ни одно свое начинание он не мог довести до конца. К тому же мыслил он не конструктивно, как многие активные правители, а исключительно деструктивно. К примеру, если Вилл брался за строительство новой плотины, то больше всего его вдохновляло в этом деле разрушение старой. Когда же после бешеного темпераментного начала, яростных команд, отдаваемых с неизменным энтузиазмом, кроваво-красных лозунгов «сделаем большое дело быстро и хорошо» над головами плотина оказывалась разобранной, Вилл мгновенно остывал к строительству и пускал дело на самотек. В случае с плотинной это обернулось причиной затопления отдельных территорий и нехваткой воды в городах Виллгарда.

Виллгарда... Виллгарда... Слава богу, что я всегда был сообразительнее многих и сразу же научился произносить Виллгард, а не то принципиальность Вилла и меня подвергла бы прилюдной порке. А такое оскорбление я не смог бы простить... Пришлось бы стереть королевство Виллгард с лица земли...

После неприятности, случившейся с плотинной, народ остался без воды, а моего брата уже занимал очередной безумный проект. По королевству стали бродить агитаторы, они дули в медные трубы и кричали: «Все на борьбу с драконами! Формируется противодраконье войско Виллгарда»... Все это означало, что Вилл задумал извести летающих ящеров навсегда. Хорошо еще, что он оставил свои первоначальные планы отправиться во главе отряда истребителей, а послал вместо себя своего первого советника – герцога Бевины: вооруженная до зубов экспедиция бесславно сгинула в скалистых горах. Вторая, отправленная через несколько месяцев, наткнулась на останки своих погибших сограждан и позорно вернулась через пару недель, так и не обнаружив ни одного дракона, но зато вдоволь наголодавшись и намучившись от жажды.

Герцог Бевины немедленно стал в Виллгарде национальным героем, его портрет в черной раме украсил королевскую галерею, а Вилл выступил перед народом и рассказал о героической кончине их любимого герцога... Справедливости ради надо заметить, что до появления инициативного Вилла Вейньета он успешно правил Вейгардом без каких-либо потрясений и лишних проблем. Народ любил его, и герцог платил им взаимностью – вейгардцы работали

четыре дня в неделю, а налог был настолько смешным, что заплатить его мог даже нищий со своего скудного подаяния. Появление моего брата с его неумным энтузиазмом очень быстро погубило несчастного герцога и сделало народ куда менее счастливым.

А Вилл продолжал лущиться идеями. Поскольку у него под боком оказался я, он не оставлял надежды и меня привлечь к какой-нибудь общественно полезной деятельности. То, что я с самого начала не придавал значения его словам, было серьезнейшим упущением с моей стороны. Сначала он решил сделать меня первым испытателем летающих шаров, которые изобрел его научный совет во главе с абсолютно безумным и дряхлым Антуаном Пикином, но я решительно отказался. И правильно сделал, потому что испытания закончились полным провалом: восемь пострадавших с ожогами, несколько отделавшихся легкими ушибами. И единственный погибший. Угадайте кто... Правильно – испытатель.

Следующей навязчивой идеей Вилла была добыча минералов в юго – западной части страны, там, где в скалах с незапамятных времен селились горные тролли. Вилл сформировал небольшой отряд, состоявший по большей части из малограмотных земледельцев и нескольких опальных вельмож, и отправил его на разработку месторождения. Меня он вознамерился поставить во главе этой обреченной группы. Но я был тверд в своем решении не иметь никакого отношения к этой полувоенной операции. Земледельцы и вельможи были перебиты троллями, и Вилл на этом успокоился.

– Ну что ж, – задорно сказал он, – значит, мы обойдемся без минералов.

Затем Вилл предложил мне возглавить отдел по борьбе с обществом темных заклинателей, которые в Вейгарде находились в опале с давних времен. Проблема заключалась в том, что ни один человек на этом посту еще ни разу не дождался выдачи первого жалованья. После указа о назначении он немедленно начинал чахнуть, его преследовали разного рода хвори и немощи, выпадали зубы, волосы, зрение и слух становились очень плохими. А потом несчастного хоронили... Всегда в закрытом гробу, потому что выглядел он к моменту смерти поистине ужасно.

Когда я отказался и от этого «выгодного» предложения, Вилл сильно обиделся и заявил, что от меня нет никакого толка, что я пустой прожигатель жизни и что он уже совсем не рад, что я «выбрал его». Отчаявшись найти мне применение, а попросту похоронить меня, Вилл стал рассказывать всем и каждому при дворе, как он, в сущности, добр, он даже занимается благотворительностью, принимая у себя бедного брата, которому некуда больше податься. Устав от унижительного ощущения прихлебателя, бедного родственника и жертвы братской благоклонности, я направил свои стопы в королевство Гадсмит, благо оно граничило с Вейгардом.

К Преолу я всегда относился с легким презрением. Его пассивность, трусость, омерзительные привычки всегда прятать глаза и грызть длинные желтые ногти были мне отвратительны, но после того, как я вдоволь нахлебался безумной активности Вилла, мне захотелось пожить при дворе правителя, который ничем не помешает размышлять о своей дальнейшей судьбе.

Преол оказался даже хуже, чем я думал. У меня с самого начала возникло ощущение, что старший брат принял меня только из страха. Апартаменты, которые он мне выделил, оказались смешотворно малы. В них не было фонтана, где бы я мог утопиться, и даже рукомоиника. У нас состоялся с ним краткий диалог, во время которого он все время пытался выяснить, надолго ли я собираюсь у него задержаться. Когда я сообщил, что абсолютно не знаю, что буду делать дальше, сколько здесь пробуду и даже чем собираюсь заниматься в жизни, он сильно забеспокоился, забежал из угла в угол, с сухим хрустом заламывая пальцы.

– Но как же так, – забормотал он, голос его сильно дрожал, – ты же должен дать ответ, я же должен знать, сколько времени мне придется тебя принимать...

– Как только я определюсь с выбором, чем бы я хотел заниматься в жизни, я немедленно тебя покину...

– Э-э-э... – Преол волновался все больше и больше, – но ты же можешь никогда не определиться.

От волнения он снова стал грызть ногти, хотя прекрасно знал, что я этого не выношу.

– Ну да, – натянuto улыбнулся я, – но, в принципе, я никуда не спешу.

– Никуда не спешишь? – Преол заискивающе уставился на меня. – Но, может, это все же ненадолго?

– Да ты что! – рявкнул я, так что он вздрогнул всем телом и в ужасе отпрыгнул к самой двери. – Не рад принять брата на постой?! Грустно это осознавать, знаешь ли...

Преол быстро-быстро закивал, потом попробовал что-то произнести, но от накатившего страха рот у него открывался, как у рыбы, но ни единого звука не доносилось, только какое-то сдавленное бульканье. Потом Преол вдруг резко дернул дверь и поспешно выбежал.

На этом наш разговор завершился. Поселившись при дворе Преола, самого брата я больше не видел. Несколько раз я пытался получить аудиенцию, чтобы поговорить с ним о размерах апартаментов, а также обсудить сомнительное качество дворцовых обедов, но герцог Демос Мизерилла, который всегда был при Преоле, неизменно отвечал мне, что «повелитель занят делами государственной важности и просил его не беспокоить».

Герцог всерьез раздражал меня ощущением собственной значительности. В его устах любые слова звучали как неоспоримое утверждение. Если же его по какой-либо причине не принимали всерьез, на лице герцога немедленно проступали багровые пятна, он выходил из себя, протирал заметные залысины шелковым платком и начинал говорить резко и зло. Несколько раз вступив с Мизериллой в словесную перепалку и даже один раз крепко поколотив его, я, в конце концов, оставил всякие попытки увидеться с трусливым братом и решил просто предаться веселью.

С утра я уходил в город и пил светлый эль в кабачках и тавернах столицы Гадсмита – Гатте. Напиток «радости и свободы» – так называл светлый эль придворный учитель риторики Альфонс Брехкун. Меня никто не узнавал, потому что на моей одежде не было фамильных гербов дома Вейньет, а в лицо за пределами Центрального королевства меня мало кто знал. Тогда мои портреты еще не были развешаны на каждом углу, как гораздо позже это случилось в королевстве Стерпор, так что я мог проводить время как угодно, не опасаясь быть узнанным. Я пил эль, знакомился с красотками и веселыми буйными простолюдинами, вместе мы кутили так, что весь Гатт ходил ходуном. Меня они принимали за своего – человека низкого происхождения, думали, что я дурачусь и что мне нравится изображать изящные манеры. Вскоре мне стало казаться, что такое времяпрепровождение – это именно то, чем я хочу заниматься в жизни...

Мое беззаботное существование в Гадсмите прервалось самым неожиданным образом. Возле дверей в мои жалкие апартаменты на меня напали два хорошо вооруженных типа, их лица были замотаны черными тряпками, оставлены только прорези для глаз, в руках нападавшие сжимали острые длинные ножи. Действовали они довольно нерасторопно, к тому же, судя по плохой скоординированности движений, выучка у них была самой примитивной, поэтому поединок только развлек меня. Одного наемника я убил на месте – почувствовал движение воздуха, выхватывая меч, обернулся и всадил лезвие ему в горло, второго сильно ранил и разоружил, чтобы потом допросить. Убийца сообщил, что их нанял король, то есть мой брат Преол, по его велению они должны были убить меня. Наемник также поведал, что Оракул сделал Преолу предсказание, согласно которому я должен взойти на престол над всеми королевствами. Слова Оракула внезапно запали мне в душу – подумать только, восшествие на престол над всеми королевствами. Воссоединение Белирии. Власть в одних руках, возвращение института наместничества. Об этом стоило поразмыслить всерьез... Это стало бы неплохим итогом моих размышлений о собственном предназначении в жизни!

Преол сильно меня оскорбил. Во-первых, он задел мои братские чувства, но это я еще мог ему простить – мы никогда не питали друг к другу особой приязни. Но второе оскорбление, что он выставил против меня двух настолько непрофессиональных бойцов, показалось мне более серьезным. Это же надо, так не ценить мои навыки лучшего фехтовальщика Белирии. Где были его глаза, когда я демонстрировал феноменальные достижения в этом искусстве под руководством Габриэля Савиньи? Да, господа, в гробу я видел подобное гостеприимство! Поскольку к Преолу меня по-прежнему не допускали, я попросил своенравного герцога Мизериллу передать его господину, что я с ним еще рассчитаюсь при случае. Мизерилла побагровел и сказал мне вслед что-то дерзкое. С ним я тоже пообещал расквитаться. Потом собрал свой скудный скарб, состоявший из пары рубашек, штанов да нательного белья, и покинул оказавшиеся столь негостеприимными места.

С Гадсмитом граничило королевство Лювера – «красочный Невилл», как называл его отец. Признаться, Лювер никогда не вызывал у меня симпатии – его холодность и нервозность казались мне признаками слабости и почти полного отсутствия темперамента, что никогда не нравилось мне в людях, но больше мне некуда было пойти. Разве что податься к Дартругу, но поговаривали, что он сделался столь же свиреп, как наш отец, к тому же его упрямство я вряд ли смог бы долго выносить. Оставался только Невилл Лювера и Стерпор, который после своего детского визита я буквально ненавидел. Сцены блюющих, матерящихся людей с плоскими лицами, их невыразительные блеклые глаза, а еще крики несчастного, которому зажимают створкой двери детородный орган, до сих пор мучили меня ночами. В Стерпор я намеревался отправиться в случае крайней необходимости, только если судьба доведет меня до крайней точки нервного и физического истощения, что, собственно, и случилось позднее, когда я начал осознавать всю степень падения, всю низость своего положения – будучи особой королевской крови, заниматься грабежами.

Отец не зря называл Невилл «красочным». Это был поразительной красоты зеленый край: раскинувшиеся на десятки миль цветочные долины, просторные лесные массивы, сосновые рощи над прозрачными реками, песчаные карьеры, открывавшие величие местных пейзажей. Даже воздух в Невилле был «красочным» – свежий и чистый, он ласкал легкие, словно светлый эль горло.

Несмотря на самые приятные впечатления, которые у меня остались после путешествия по королевству, при дворе меня ждал самый холодный прием. Оказалось, что Преол уже успел прислать сюда гонца, который рассказал Люверу, будто я совершил покушение на жизнь ни в чем не повинного короля Гадсмита.

– У тебя есть три дня, Дарт, – сказал Лювер, накручивая на указательный палец длинный локон и глядя на меня прозрачными голубыми глазами, – чтобы убраться с территории Невилла. После того как этот срок минет, мои люди найдут тебя и прикончат. Я уже отдал соответствующие указания. Здесь тебе ничего не светит.

Он говорил тихим спокойным тоном, и мне стало понятно, что его слова – вовсе не пустая угроза, он действительно считает меня опасным преступником.

– Но это наглая ложь, – попытался я оправдаться, – все сведения, которые принесли гонцы Преола, – вранье от начала и до конца и даже больше. Это он совершил на меня покушение, он собирался убить меня, потому что боялся, что я хочу забрать у него корону.

– Мы все опасаемся, что ты будешь вести себя недостойно, – ровным голосом проговорил Лювер. – Собственно говоря, чего еще можешь хотеть ты, лишенный наследства? Вот и моя мать советует, чтобы я даже не разговаривал с тобой, она считает, что ты представляешь опасность и очень похож на отца...

– Но я даже не пытался... – начал я, но Лювер меня перебил.

– Я оставляю тебе два дня, Дарт, – холодным голосом проговорил он, – не заставляй меня еще сокращать срок твоего пребывания в Невилле.

Я ощутил, как изнутри медленно поднимается ледяная ярость.

– Ну что же, – сказал я, – обещаю, что ты об этом пожалеешь!

– Один день, – крикнул он, внезапно ускорив наматывание локона на палец, – у тебя есть один день!

Я резко развернулся и вышел вон. Четкий план действий еще не сформировался в моей голове, но первые зерна упали в благодатную почву и впоследствии должны были взойти высокими стволами решительных замыслов и устремлений. Я внезапно понял, что братья настроены против меня, что все они боятся меня. Искать убежища у кого-либо из них – значит подвергать свою жизнь опасности.

Я вновь направился в Гадсмит, на сей раз не к Преолу. Кое-какие связи в Гатте у меня уже имелись – не зря же я долгое время посещал кабачки и таверны, так что сколотить шайку не представляло для меня особого труда. Местные головорезы с радостью присоединились к «дворянину», как они давно прозвали меня между собой.

Назло Преолу я занялся в Гадсмите разбойничьим промыслом, ибо иного способа жить достойно тогда для себя не видел. Мы наводили ужас на местных купцов, обладателей набитых золотом кошельков, состоятельных граждан королевства Преола и разного рода крупных мошенников, которых я просто не выносил. Преол никак не мог справиться с преступностью в собственной вотчине, а потому дела у нас продвигались на редкость успешно. С особым рвением мы грабили торговые караваны, направлявшиеся в Невилл. Таким образом я мстил Люверу за проявленное им недоверие и малодушие.

Грабежи казались мне единственно верным способом существования до тех пор, пока я не понял, что капитала сколотить не сумею – слишком велика была конкуренция, да и риск не дожить до тридцати лет был очень велик. Все эти соображения и обстоятельства заставили меня всерьез задуматься о будущем и отправиться напрямик в Стерпор, к Алкесу, с которым когда-то у меня были неплохие отношения – его тупость и добродушие неплохо сочетались с моей хитростью и отчаянной храбростью. Я решил, что поговорю с ним начистоту и, может, даже заручусь его поддержкой в военных делах. Тогда с помощью Алкеса я смогу наказать за подлость Преола, визит к которому едва не стоил мне головы.

Почему же я сразу не направился напрямик ко двору возлюбленного брата? Да потому, что сначала следовало разведать ситуацию, произвести, так сказать, рекогносцировку, посмотреть, что происходит в королевстве. К тому времени как отправиться в Стерпор, я уже имел четкий план действий, а бурный жизненный опыт научил меня мыслить широкими категориями и внушил осознание того, что людям свойственно меняться с течением времени, причем не всегда в лучшую сторону. Зачем входить в дворцовые ворота, когда нет уверенности, что через пару дней тебя не принудят забираться на эшафот...

Шайка расставалась со мной с большой неохотой. Им казалось, что я идеальный главарь и такого им никогда не найти. Лидерские качества и правда были в числе моих врожденных талантов, к тому же я никого и никогда не обижал – всегда делил добычу поровну, а наживаться нам удавалось исключительно благодаря свежести моей мысли и новизне преступных замыслов. Узнав, что я направляюсь в Стерпор, несколько разбойников вызвались проводить меня, потому что часть пути предстояло проделать через Центральное королевство, а там было отнюдь не спокойно. Однако на этот раз все обошлось. К концу третьего дня я расстался с провожатыми на границах королевства Вилла и помчался дальше, по мере сил подгоняя лошадь – мне не терпелось оказаться в грязном Стерпоре и приступить к осуществлению своих замыслов. С тех пор как в голове моей созрел план дальнейших действий, я превратился в человека, одержимого идеей власти – королевство Преола будет моим, и я, наконец, смогу стать королем. Никто не заслуживает этого больше меня! Гадсмит не лучшее место на свете, мне не слишком импонировал его восточный климат, но все же это лучше, чем совсем ничего.

...остерегись Дарта Вейньета, ибо в нем таится сила и дар убеждения, которыми мало кто из людей владеет. Если даже Оракул произносит его имя с придыханием, то что же говорить об обычном народце... Будь всегда начеку, ибо, пока он жив, все мы находимся в опасности. Опасность эта не только утрата власти, но и истинная смертельная опасность. Дарт Вейньет сейчас, словно рвущийся вперед клинок, который сложно остановить и переломить одному, но вполне возможно осуществить наши замыслы, если соберемся мы все воедино.

Из письма Преола, адресованного Алкесу, королю Стерпора

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В ней снова немного рассказывается о братских чувствах, а также исследуется постулат о том, что людям свойственно меняться со временем

Мы стремительно шагали по мощенной неровным булыжником мостовой Стерпора. Камни торчали из нее вразнобой, словно снизу их выталкивал на поверхность норный народец. Знал я парочку шаловливых подземных жителей, им дай только волю, и они испоганят какую-нибудь дорогу или кладбище. С большим удовольствием занимаются они разного рода проделками. Любят, к примеру, подрывать фундаменты домов, делают это, пока те не обрушатся. Хорошо, что в городах норный народец появляется редко, а если перебирается поближе к людям, то его немедленно травят специальным раствором Буверия, который когда-то давно изобрел кто-то из белирианских придворных алхимиков. Подозреваю, что это был сам Буверий.

Мы обогнули кузницу, миновали конюшни, где густым басом раздавал указания невысокий человек с густой длинной бородой, прошли мимо постоянного двора, трактира и нескольких частных зданий, лишенных каких бы то ни было вывесок.

Массивная фигура моего спутника внушала прохожим смутный трепет, они оборачивались, а временами даже останавливались и откровенно глазели на Кара Варнана, открыв от изумления рот. Разумеется, они не знали, что рядом с великаном по улицам их родного грязного городишки вышагивает не кто-нибудь, а сам потомственный принц дома Вейньет. Неведение заставляло их не обращать на меня ровным счетом никакого внимания, а с любопытством наблюдать, как крошит камень мостовой своими громадными ступнями исполин Варнан. Исключение составляли подозрительные субъекты, шнырявшие то тут, то там вдоль центральных улиц Стерпора. Они не выказывали удивления по поводу внушительных габаритов Варнана, а то и дело приветливо махали великану ладонью, как старому знакомцу, и столь же стремительно, как и появлялись, исчезали в очередной подворотне, юркие, как крысы, и весьма вороватые с виду. Повадки выдавали в них людей преступного ремесла.

– Это что, твои друзья? – спросил я Варнана, когда очередной субъект с физиономией грызуна сделал приветственный жест и поспешно затерялся в толпе.

На меня уставились наивные голубые глаза.

– Отличные ребята. – Он кивнул. – Я давно с ними дружу, видел бы ты, как они опрокидывают кружки с элем, когда у них много денег! С ними случается иногда найти клад. – Варнан хохотнул. – Ну и меня угощают, конечно.

– Я когда-то тоже дружил с отличными ребятами, – задумчиво заметил я, вспомнив, что совсем недавно разбойничал.

– Тогда мы познакомились с тобой? – нахмурился Варнан. Он снова мучительно пытался вспомнить наше эфемерное знакомство.

– Раньше, гораздо раньше, вполне возможно, ты не помнишь этого – до меня доходили слухи, что однажды тебя здорово приложили по голове... ну уже после того, как наше знакомство прервалось, – попытался я напустить побольше тумана, но, как оказалось, попал в самую точку.

– Ты и об этом знаешь, – мрачно пробормотал Варнан. – Тогда, должно быть, мы действительно о-о-очень давно друг друга знаем. Да, мне тогда туго пришлось. Это было во время осады. Здорово попало, прямо вот сюда вот... стенобитным орудием.

Он показал едва заметный шрам чуть ниже коротко обрезанных волос, и я вздрогнул: мне представилось, как стенобитное орудие попадает в лоб Кара Варнана и разлетается на куски. В воздухе кружатся ошметки щепок и части металлического каркаса, великан некоторое время трясет ушибленной головой, а потом резко заваливается назад и падает, подмяв под себя целую толпу низкорослого люда.

– Стенобитное орудие?! – в ужасе переспросил я.

– Да, – грустно подтвердил Варнан, – оно, правда, было маленькое и уже почти сломанное, но мне все равно туго пришлось.

– Могу себе представить... Если бы мне в голову угодило стенобитное орудие, от нее ничего бы не осталось... точно...

– Ну-ну-ну. – Варнан добродушно рассмеялся. – Может, ты просто не знаешь свою голову, а если попробовать...

– Не будем пробовать! – решительно выкрикнул я.

– Как скажешь... – Варнан опять задумался. – Да, наверное, ты меня очень давно знаешь.

– Давненько... Я тебя еще вот таким помню...

Я вытянул ладонь на уровень пояса, но, увидев, что Варнан как-то напряженно смотрит на нее, – должно быть, таким он не был никогда, – я приподнял ладонь повыше, на уровень груди, потом еще немного – до подбородка.

Только тогда громила заметно успокоился:

– Ты что же, может быть, и с моими стариками был знаком?

– Прости, не довелось, – я развел руками, – но могу предположить, что это были очень достойные люди.

– Еще бы, – кивнул Варнан, – мама у меня была такая простая женщина, ничего себе необычного, но красивая... правда, толстовата немного... ну, в смысле, широкая в кости... а папа был известен во всем Туре – он ведь был главным королевским палачом, продал душу демонам из Нижних Пределов, а они за это наделили его бессмертием и нечеловеческой силой...

– Вот как? – заинтересовался я. – И что же, это помогло ему добиться успеха?

Меня по-прежнему интересовали любые способы достижения успеха в жизни. Я собирался узнать их все, чтобы потом, проанализировав, вывести идеальную формулу движения вверх к самым вершинам общественной лестницы, туда, где в руки ложатся поводья власти, и будущее уже не кажется туманным, а представляется кристально ясным...

– Как же, помогло, – откликнулся Варнан, – держи карман шире, с нечеловеческой силой добывает сейчас строительный камень в каменоломнях Тура и будет добывать еще целую вечность, благо она у него есть.

– Какая тяжелая судьба, – с мнимым сочувствием произнес я, – мои соболезнования.

– Да не надо, я его совсем не знал. Моя мать убиралась время от времени у него в доме, ну и вот – родился я. А так он со мной и знаясь не желал... Как, впрочем, и со всеми остальными людьми. Очень тяжелого характера был человек.

– Понятно, так часто бывает, беру свои соболезнования обратно. Надеюсь, ты не переживаешь по поводу того, что твой отец...

В эту минуту я снова заметил ЕЕ, ту девушку, с которой столкнулся совсем недавно на одной из улочек Стерпора. Только что она шла по центральной улице нам навстречу, потом едва уловимым жестом приподняла капюшон, открыв на мгновение самое красивейшее из лиц, что мне доводилось когда-либо видеть, и свернула в проулок. Теперь она быстро удалялась от меня.

– Вот дьявол! – выкрикнул я. – Кар, стой-ка тут, никуда не уходи, я сейчас...

Я стремительно помчался к проулку, расталкивая прохожих, а Варнан в недоумении замер посреди улицы.

Когда я добежал до проулка, сбив по дороге толстого дядьку, тащившего тележку с яблоками, красотка уже успела скрыться. Я побежал вдоль ряда домов, заглядывая во все смежные улицы и даже распахивая отдельные двери, но ее нигде не было. Она словно растворилась в пахнувшем нечистотами воздухе Стерпора, исчезла, подобно возникшей на мгновение в небе радуге. Я даже подумал, не привиделась ли она мне, потом в ярости ткнул ногой угол какого-то дома, причем по стене мгновенно побежала длинная трещина, и поддерживающие второй этаж балки угрожающе затрещали. Я сделал вид, что совершенно тут ни при чем, засвистел веселый мотив и как ни в чем не бывало зашагал прочь.

К Варнану я вернулся, пребывая в самых расстроенных чувствах. Исподлобья взглянув на великана, я едва слышно выдавил:

- Пошли, Пределы дери этот город...
- Куда это ты так умчался? – поинтересовался ееликан.
- Увидел кое-что интересное, – пробормотал я, изо всех сил сжав рукоятку меча.
- И что же?
- Да ничего...
- Что, совсем ничего?
- Совсем... – выдавил я раздраженно.
- А может, все же расскажешь мне?
- Нет, – отрезал я.

– Вот так всегда, когда я прошу кого-нибудь рассказать мне что –нибудь, он немедленно замолкает, а между тем когда ты сам спрашивал меня о моей жизни, я тебе рассказывал все в подробностях, ничего не утаил, ни о чем не умолчал, а вот когда я спрашиваю, мне никто ничего не говорит, а вот когда меня, я сразу все рассказываю, и это нечестно, потому что когда я спрашиваю что-нибудь...

Я уже поднял вверх руку, намереваясь заткнуть ему рот, как вдруг он и сам осекся. Варнана заинтересовало происходящее впереди. Там слышался шум голосов и раздавался чей-то громкий окрик: «А ну разойдись! Король идет!» Я напряженно вслушался в голоса и вдруг осознал, что, собственно, происходит. По центральной улице, навстречу нам, шел в сопровождении вооруженной стражи мой брат Алкес. Собственной персоной. Его только не хватало! Я же толком так и не успел разведать обстановку. Теперь придется встретиться с братом лицом к лицу и узнать, что он думает по поводу моего появления в Стерпоре. Я замер, не зная, что предпринять. Бежать было уже, кажется, поздно. Да и недостойно потомственного принца дома Вейньет.

Они появились спустя несколько мгновений. Король в сопровождении свиты. С тех пор как я видел его в последний раз, Алкес заметно растолстел. Теперь лицо его стало округлым и даже немного одутловатым, должно быть, он злоупотреблял горячительными напитками. Одет мой скудоумный брат был весьма небрежно – расшитый золотом потрепанный темный плащ, рубашка землистого цвета и вытянутые на коленях широкие штаны. Принадлежность к дому Вейньет выдавал только королевский вензель на плаще да вставленный в украшенные изящной вязью ножны фамильный меч Мордур, обращаться с которым он, впрочем, так и не научился. Этот меч был предметом моей искренней зависти. То, что даже меч отца Бенедикта достался Алкесу, а не мне, было вопиющей несправедливостью – ведь никто другой не был достоин Мордура больше меня. Я же был лучшим фехтовальщиком Белирии, а Алкес носил меч как простое украшение. Наверное, отец, пребывая в своем болезненном состоянии, решил, что меч должен достаться Алкесу потому, что он совсем не умеет им владеть... Логика, достойная пациента монастыря, где держат буйнопомешанных монахов.

Герцог Ян де Бонт, нынешний советник Алкеса в делах управления государством, шел позади и раздраженно теребил застежку на пурпурном плаще. Видимо, что-то нехорошее занимало его мысли. Одет он был намного богаче короля. В глаза бросались шелковые черные

шаровары и сапоги, расшитые серебром, с коваными черными носами. Де Бонт был выше Алкеса на целую голову, его довольно привлекательную внешность дополняли закрученные кверху тонкие усики и изящная бородка. Широкополая шляпа, украшенная пером павлина, смотрелась отлично. Одним словом, де Бонт выглядел диковинной и разноцветной птицей. Впрочем, насколько мне было известно, умом он также никогда не отличался. По иронии судьбы глупому Алкесу достался не менее бестолковый советник. Вместе они составляли весьма колоритную парочку, абсолютно не приспособленную для управления государством.

Кортеж сопровождала королевская стража – около двадцати вооруженных алебардами воинов. Помимо защиты короля от разного рода опасностей на них была возложена и другая, не менее важная, миссия. Несколько солдат несли полные мелких монет холщовые мешки, из которых они то и дело горстями зачерпывали медь и швыряли в толпу. Таким образом, Алкес демонстрировал щедрость правящей власти и ее полное единение с народом. Его милость привлекла к шествию сотни нищих. Должно быть, они денно и ночью дежурили у дворца, ожидая наступления часа еженедельного моциона щедрого короля, теперь следовали за кортежем и резво бросались за медяками, стоило солдату швырнуть очередную горсть монет. Нищие распихивали друг друга и ожесточенно ругались между собой. Кое-кто ради того, чтобы совершить мгновенный и точный рывок и настичь добычу, отбрасывал костыли и на миг становился абсолютно здоровым, потом спохватывался и со стоном отползал обратно, воровато оглядываясь по сторонам.

Стражей короля командовал крепкий краснолицый сержант в кирасе. Он расталкивал толпу, потрясая алебардой, и поминутно выкрикивал: «Прочь с дороги! Прочь с дороги! Король идет!»

Я резко повернулся на каблуках, намереваясь немедленно скрыться – к тому моменту, как я увидел Алкеса, я уже решил для себя, что к встрече с ним совершенно не готов., но позади меня уже сомкнулись плотные ряды, народ напирал, желая получить хоть что-нибудь от щедрот правящей власти. «Может, мне все же удастся ускользнуть незамеченным?» Глядя все больше в землю, я постарался протиснуться к боковой улочке, но из нее уже валили люди и какая-то толстая баба с корзиной, полной мокрого белья, яростно махнула на меня влажными подштанниками:

– А ну-ка, неча тут толкаться!

Я обернулся. Алкес был уже совсем близко. Меня и Варнана стали оттеснять к домам. Кортеж приближался, и вот уже краснолицый сержант оказался рядом со мной. Я постарался даже не дышать, чтобы ничем не выдать своего присутствия. Несколько мгновений мне казалось, что они пройдут мимо, когда вдруг внимание короля привлек такой заметный среди низкого люда Кар Варнан.

В этот самый момент тот крепко пихнул меня в плечо, сказал что-то непристойное о красоте, которую заметил неподалеку, и хрипло захохотал.

– Стоять! – заорал Алкес, его лицо быстро становилось красным и уже очень скоро стало выглядеть, как спелый помидор.

Процессия замерла. Ян де Бонт уставился на своего господина с явным неудовольствием: он яростно ненавидел эти еженедельные вылазки и хотел как можно скорее покончить с неприятным делом и наконец оказаться в своих покоях, где всегда найдется бутылочка вина и одна из придворных дам с удовольствием проведет с ним время.

– Что такое, выше величество? – резко спросил он.

– Будь я проклят, – выкрикнул монарх, – да это же Дарт Вейньет!

Толпа загудела, люди стали озирались, они искали глазами принца, лишнего наследства, – моя скорбная доля все еще вызывала сочувствие у граждан всех королевств, несмотря на то что после смерти короля Бенедикта минуло четыре года. Поскольку взгляд Алкеса не оставлял сомнений в моей принадлежности к семейству Вейньет, очень скоро пространство

вокруг нас с Варнаном опустело. Над улицей повисла почти абсолютная тишина. Молчали все. Даже нищие, что еще недавно орали друг на друга и вырывали медяки, притихли, прижав к себе костыли и замотанные тряпьем конечности; они тихо сидели на мостовой, вперив взгляд в меня и Варнана. Алкес тяжело дышал, внимательно рассматривая меня мелкими красными глазками. Его узкий лоб покрыла испарина.

– Откуда ты тут взялся?! – наконец мрачно проговорил он, прерывая тягостную паузу. Толпа замерла, ожидая моего ответа.

– Да вот решил навестить тебя... узнать, как идут дела в твоём королевстве.

Послышался тихий ропот: «Это действительно Дарт Вейньет... лишенный наследства... наследный принц Вейньет... бедняга... лишенный наследства...»

Лицо Алкеса выражало крайнюю степень негодования.

– Тебе следовало предупредить меня, – сказал он наконец.

– Извини, я просто не успел... – Я поднял вверх ладонь в приветственном жесте и улыбнулся, потом слегка приподнял шляпу. – Привет, Алкес...

– Он лжет! – вдруг яростно выкрикнул де Бонт. – Это как раз то, о чем нас предупреждали! Мой король...

Алкес сердитым окриком оборвал его, и в воздухе снова повисла неуютная тишина. Казалось, Алкес что-то обдумывает.

– Значит, ты решил объявиться в Стерпоре... – Похоже, он сделал для себя какие-то выводы и теперь смотрел на меня с явной угрозой. – Ну так знай, что ты неправильно сделал, что остановил свой выбор на Стерпоре, потому что здесь у тебя ничего не выйдет.

Толпа зароптала, выражая недоумение...

– Ваше величество, давайте не будем обсуждать эти дела ЗДЕСЬ, – поспешно проговорил де Бонт, – вы же видите, тут полно людей, ваших подданных...

Герцог торопливо улыбнулся толпе, но люди не ответили на его улыбку. Ян де Бонт никогда не вызывал у простого люда симпатии. Для того чтобы вызывать уважение, он был слишком глуп, а причин не любить герцога у жителей Стерпора было более чем достаточно – высокие налоги, неумелое управление, его диковинные наряды наконец. Так что сейчас люди угрюмо наблюдали за развитием событий. В большинстве лиц читалось напряжение. К тому же я ощутил еще одно приятное для меня настроение толпы. Это была скрытая поддержка. Они явно не одобряли Алкеса и его окружение, которое вдруг на их глазах решило обидеть «принца, лишённого наследства». Мои ощущения вдохновили меня, даже внушили определенную уверенность в собственной правоте.

– Я так понимаю, ты совсем не рад меня видеть! – громко сказал я. – А я надеялся заручиться твоей помощью, поддержкой.

– Твоя хитрость тут не пройдет, – отрезал Алкес. – Я хорошо осведомлен о твоём коварстве... Стража, взять его...

– О коварстве? Каком коварстве? – Я с недоумением обвел взглядом толпу и произвольно ухватился за серьгу в ухе.

– А-а-а, – прокричал Алкес, – я все вижу, Дарт, ты собираешься меня убить, ты взялся за серьгу, уж я-то хорошо знаю этот твой проклятый жест, ты лицемер, о, наш бедный доктор! Эй, стража!

Как я и предполагал, люди меняются со временем. Теперь ожидать от Алкеса радушного приема не приходилось. На всякий случай я прокричал, пока нас обступали стражи, в лицах которых читалась холодная решимость:

– Что ты делаешь, Алкес?! Это же я, Дарт – твой брат. Мне всегда казалось, что мы ладим. Остро наточенные лезвия алебард в следующее мгновение оказались возле моего носа.

– Медленно достаньте ваши мечи, кидайте их на мостовую, а потом отойдите к стене, – свирепо сказал краснолицый сержант, – положите руки на стену, мы обыщем вас, а потом отведем в замок. Главное – все делайте медленно и спокойно.

– Ага, сейчас, – ответил я, – уже положили...

Потом легким движением выхватил меч из ножен и звонко ударил им об одну из алебард. На мостовую посыпались искры. Толпа восторженно ахнула и подалась назад.

– Живыми их можно не обязательно, – дрогнувшим голосом крикнул герцог де Бонт, – это государственный преступник, и он, как я вижу, сопротивляется...

Один из стражников решил проявить излишнее рвение и предпринял быструю атаку – он ринулся ко мне, но получил мгновенный укол в шею, завизжал, закрутился на месте, выронил алебарду и упал на камень мостовой, обливаясь кровью. Во время нападения я почти не двинулся с места, лишь немного отвел опасное лезвие алебарды в сторону. Теперь она недвижимо лежала рядом с остывающим телом. Эта сцена настолько впечатлила остальных «псов» короля, что они в нерешительности замерли. Кое-кто даже шагнул назад.

– Ни с места! – рявкнул сержант. – Их только двое. За нами король!

Толпа встретила его слова оглушительным издевательским гоготом. Похоже, Алкеса, несмотря на его еженедельные моционы, в Стерпоре не слишком любили. Между тем кое в чем сержант был прав: нас было всего двое, а стражей – почти два десятка.

В этот момент Варнан, оценив сложившуюся ситуацию, поплевал на руки и вынул из-за спины двуручный меч. Должно быть, он был лишен социальных условностей, и его вовсе не волновало то, что перед нами король Стерпора и стражи, попасть в ряды которых было его детской мечтой. Великан издал звериный рык, который тут же подхватила толпа. Рык прокатился над улицей и застыл где-то вдали, а я явственно увидел, как лицо краснолицего сержанта утратило пороссячий оттенок и на него быстро напоздаст мертвенная бледность. Его подчиненным было тоже весьма не по себе.

Уловив настроение толпы, Алкес сделал торопливый жест:

– Так, убивать их не надо, взять их в плен, связать и привести в замок!

Затем король развернулся и в сопровождении герцога Яна де Бонта и четырех, поспешно расталкивающих толпу стражей двинулся прочь. На сей раз его походка была даже более чем торопливой. Люди свистели и улюлюкали, Алкес почти бежал и со страхом озирался по сторонам – наверное, опасался, что сейчас в него полетят камни, яблочные огрызки и бутылки из-под эля. Но ничего не произошло. Пассивный народ Стерпора куда больше занимало разворачивающееся посреди центральной улицы зрелище – сейчас лишеного наследства принца Дарта Вейньета и его массивного спутника разрежут алебардами на части. Вот потеха!

– Это дорого будет тебе стоить! – крикнул я Алкесу.

В это мгновение у меня впервые возникла мысль, что братцы, возможно, заключили против меня союз. Чем еще можно было объяснить подобное поведение самого лояльного из них? Да и странные слова Яна де Бонта, что это «то, о чем их предупреждали».

Алкес некоторое время оглядывался на меня, наверное, угроза его задела, он все больше ускорял шаги, споткнулся, пропал из виду, скрывшись за спинами людей, поднялся при помощи окружения и, наконец, побежал...

Настало время действовать. Варнан неожиданно метнулся вперед, ловко увернулся могучим телом от лезвия алебарды, его меч с пронзительным свистом описал широкую дугу и разрубил пополам одного из стражей; другого он ударил ногой в грудь, и тот, взлетев в воздух, врезался в толпу. Рев великана слился с криками ужаса наших врагов.

Раскручивая меч фехтовальной восьмеркой, я тоже ринулся в наступление. Звон стали наполнил улицу громким режущим уши звуком. Удары сыпались на меня со всех сторон, но я ловко уходил от разящих лезвий, отводил их в сторону, отбрасывал, отбивал, пропускал над головой и между ног. Я действовал по всем правилам фехтовальной науки и, кажется, в этом

поединке превзошел самого себя. Улучив момент, я мгновенно вторгнулся в область защиты и поражал противников точными и резкими выпадами. Я резал и колол, колол и резал, совершал обманные финты и воплощал в жизнь целые поражающие комбинации, применимые только в случае боя с большим количеством противников. Я с нечеловеческой ловкостью наносил смертельные удары. Несколько раз острие моего меча пробивало врагам грудную клетку, дважды я попал противнику в шею, один скользкий, но мощный удар по голове заставил стража рухнуть мне под ноги. Остальных уложил Варнан. Он с диким ревом разбрасывал нападавших, с его стороны то и дело доносился звучный хруст, когда он ломал противникам кости, стоны раненых врагов и предсмертные хрипы. Он рубил их двуручным мечом и топтал огромными ногами – техника его боя была против всех правил, но благодаря внушительным габаритам и почти нечеловеческой ловкости действовал он необычайно эффективно. То, что мы так быстро смяли их ряды, было целиком и полностью его заслугой, именно он расправился с большинством нападавших. Последним Варнан уложил разгоряченного сержанта – выбил резким взмахом меча алебарду из его рук и нанес ему сокрушительный удар сапогом в челюсть. Сержант взвился в воздух и рухнул, как бревно, здорово приложившись затылком о мостовую. Несколько уцелевших во время схватки стражей не выдержали нашего боевого натиска, побросали алебарды и попытались спастись бегством, но жестокая толпа с хохотом вытолкнула их обратно.

– Нет уж, решили заарестовать Дарта Вейньета, милости просим! – весело крикнул какой-то доходяга.

Уцелевшие солдаты короля в страхе попадали на мостовую. Они корчились на коленях, воздев к нам руки, один из них даже разрыдался к всеобщему восторгу.

– Пощады! – крикнул другой.

Варнан, все еще не отошедший после кровавого неистовства битвы, ринулся к ним, размахивая мечом, с воплем «убью!!!» Они в ужасе метнулись в стороны.

– Милую! – поспешно крикнул я, и Варнан резко остановился, словно натолкнулся на каменную стену.

– Что, уже все? – спросил он, тяжело дыша, хмурия редкие брови.

– Пропустите их, – сказал я, – пусть бегут.

Уцелевшие стражи поспешили раствориться в толпе. Люди провожали их пинками и затрещинами. Звериное выражение медленно сходило с лица Варнана, он тяжело дышал, крылья широкого носа раздувались, складка над переносицей разгладилась – к нему возвращалось обыкновенное благодушие. Казалось, он чем-то смущен.

– Э-э-э... – пробормотал он, – а правда, что ты этот? Ну как его? Король оборванцев Дарт Вейньет?

– Что-что? Король оборванцев? – Я с изумлением уставился на него. – Это еще что такое?

– Ну, так тебя прозвали, вас так прозвали, – поправился он, и совсем по-детски улыбнулся, даже не верилось, что этот великан только что отправил на тот свет больше десяти человек, действуя, как настоящий берсерк...

– Да, я – Дарт Вейньет, так что обращай ко мне отныне милорд и исключительно на «вы». – Я улыбнулся толпе, обвел ее взглядом, потом резко убрал меч в ножны, отметив про себя, что так и не стер с него кровь, но в настоящей ситуации такой поступок выглядел бы несколько выпендренно и, возможно, даже подорвал бы мой только начавший складываться среди жителей Стерпора авторитет – что это за отчаянный малый, если он тщательно протирает клинок, прежде чем убраться в ножны.

Потом я сделал жест Варнану:

– А ну-ка посади меня.

Великан снова, казалось, начал мучительно думать, где это он мог со мной познакомиться, если я сам принц, лишенный наследства Дарт Вейньет.

– Эй, – я окликнул его и ткнул в плечо, – ты послужишь короне или нет?

Тогда он подхватил меня на руки и почти зашвырнул на балкон второго этажа. Мне оставалось только перекинуть ногу через перила, и я оказался среди сушившегося здесь дамского белья огромного размера. Решительно отбросив панталоны, зацепившиеся за перо на шляпе, я громогласно крикнул с этой импровизированной трибуны:

– У меня предложение ко всем присутствующим. Кто-нибудь хочет жить в довольстве и счастье?

Над улицей повисла тягостная тишина. Должно быть, я переоценил деловой и интеллектуальный потенциал местных жителей. К тому же я несколько покривил душой. Если довольство я еще мог им обеспечить, то счастье может обещать только Бог или любимая женщина. Тем не менее я посчитал нужным продолжить свою мысль.

– Граждане Стерпора, я приехал сюда, чтобы заручиться поддержкой Алкеса Вейньета. Да, с помощью вашего короля я собирался забрать власть у предателя Преола, захватив земли Гадсмита. Я знаю, что люди там бедствуют, они живут очень плохо. Преол вовсе не тот король, который им нужен. А я знаю, что смог бы обеспечить процветание жителей Гадсмита, я дал бы достойную жизнь всем бывшим подданным Преола. Но теперь, после того как Алкес показал нам всем свое истинное лицо, я уверен, что поступлю правильно, если заберу и Стерпор. Знайте, что я это делаю лишь для того, чтобы жизнь здесь стала совсем иной – чтобы каждый получил возможность делать то, что он хочет, и быть тем, кем он захочет...

– Эй, а я хочу быть начальником королевской стражи! – крикнул кто-то из толпы.

– Начальник королевской стражи у меня уже есть, – я ткнул пальцем в Кара Варнана, и он мгновенно загордился, высоко задрал подбородок и ухмыльнулся во все лицо, – а вот остальные должности пока свободны. Но я говорю сейчас не об этом. Вы слышите меня, граждане Стерпора, если я стану королем, то у вас будет свобода и процветание. Свобода и процветание, если только вы вслушаетесь в мои слова и пойдете за мной...

Прости, папа, наверное, я оказался плохим сыном, но твоя последняя воля кажется мне весьма сомнительной. Сейчас перед лицом всех этих людей мое будущее вдруг нарисовалось со всей отчетливостью. Для меня стало очевидным, что я должен предпринять, чтобы обеспечить свое будущее. Боюсь, что твою последнюю волю придется пересмотреть.

– А мне вот его жалко...

– Нашла кого жалеть, проходимец какой-то. Может, он и не Дарт Вейньет вовсе...

– А как мечом машет, любо поглядеть... Рассказывают, будто он один может сто человек победить.

– Это ты кого проходимцем назвала, дура глупая. Сейчас курицей огрею, не посмотрю, что баба!

– А красивый-то он какой...

– Ну, это ты брешешь, сто человек никто не побьет...

– А ну молчи, охальник, пока сам курицей не получил!

– Убедительно говорил, хорошо, мне понравилось.

– А что же не поддержал его тогда?

– Проходимец! Проходимец! Проходимец!

– Да как-то, енто, еще попадет... Он же не король все же... А король у нас того, все одно – строгой дюже... Да и Зильбер Ретц тоже...

– Слушай ты, баба, точно дам курицей...

– Это и правда, попасть может... Рисковать нам, простым людям, не к чему. Пускай себе между собой разбираются...

– На-на-на, получай, охальник...

– Ты что?! Прямо по голове, у тебя же курица как железная-а-а-а – а!!!
Разговоры на одном из базаров Стерпора
(время – почти полдень)

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ней рассказывается о том, что не всякий нищий – бесполезная скотина и порой может послужить на благо короны

Я и не заметил, как после моих речистых воззваний к действию улица быстро стала пустеть. Буквально несколько минут назад народ, привлеченный кровавым зрелищем, был воодушевлен и заинтригован, а теперь, едва я стал призывать к поддержке восстания, энтузиазм столичных жителей заметно схлынул...

А между тем я, увлекшись идеей своего скорого владычества над миром, все больше возвышал голос. Я ощущал, что поднимаюсь к самым вершинам ораторского искусства, что еще вот-вот – и превзойду придворного преподавателя ораторского искусства Альфонса Бреккуна. В определенный момент мне даже стало казаться, что я его уже превзошел: я вворачивал такие витиеватые обороты в свое выступление, что порой и сам не понимал, что, собственно, хотел сказать. Я применял самые изощренные фигуры речи для того, чтобы донести до народа смысл воззвания, и мне казалось, что слова мои льются свободно и гладко и являют собой не только глубинную суть вещей, но и поистине поэтическое звучание.

Сколько раз, используя словесное мастерство, я издевался над своими братьями, не обладавшими риторическим талантом. В ответ на их обыденные слова я начинал задвигать поистине колоссальную речугу. Они не сразу понимали, что я над ними издеваюсь. Когда же до них это, наконец, доходило, братья впадали в бешенство. Фокус словесной игры я проделывал регулярно...

Завершив с риторикой, я перешел к главной части своего выступления – ударился в обещания. Начав с малого и банального – я посулил народу хлеба и зрелищ, я затем совершенно увлекся и стал выкрикивать уже и вовсе немислимые вещи, например, пообещал всем защиту от Общества темных заклинателей, существовавшего в Стерпоре ко всеобщему неудовольствию на вполне официальных началах, бесплатный эль по пятницам и субботам, а напоследок – эликсир вечной молодости, который якобы уже находится в разработке у известных мне ученых мужей. Осталось только освоить его массовое производство – и можно будет разливать эликсир всем моим подданным в то время, как они будут отдыхать от неограниченного употребления светлого эля. Разум мой блуждал где-то в небесах, я выписывал ладонью широкие круги, рассказывал о том, каким вижу будущее правление Дарта Вейньета (при этом я даже и не заметил, как стал говорить о себе в третьем лице) и какими мне представляются ближайшие перспективы развития Стерпора.

Мое увлечение собственным красноречием было столь велико, что я совершенно не следил за происходящим внизу. Вскоре, однако, даже для меня стало очевидным, что народу под балконом-трибуной становится все меньше и меньше. Люди слушали меня все менее внимательно, потом и вовсе откровенно заскучали, они прикладывали ладони к зевающим ртам и вдруг, словно вспоминая о чем-то, поспешно отворачивались, а затем как ни в чем не бывало отправлялись по своим делам.

Толстая баба, толкнувшая меня на выходе из проулка, подняла с мостовой корзину с бельем и помчалась куда-то вдоль улицы, пронзительно выкрикивая:

– Лай-е-ла, ты откудова идешь?! Лай-е-ла!!!

Ее крик был таким неожиданным и громогласным, что внезапно отрезвил меня. Я словно пришел в себя и больше не пребывал в плену наваждения. Встряхнув головой, я с изумлением уставился на быстро редющую толпу.

– Эй, куда же вы? – выкрикнул я. – Народ Стерпора, слушайте меня!

Один из горожан поступил совсем уже невежливо – он смачно сплюнул на мостовую и потряс кулаком в мою сторону.

– Горлопан, – крикнул он, – вечная жизнь, да где это слыхано?! Ерундовина какая-то получается. Чуть полнейшая! Кому другому расскажи, брехун!

В то же мгновение на его голову опустился тяжелый кулак Кара Варнана. Ноги грубияна стали ватными, он ойкнул и, как срубленное дерево, повалился на мостовую, гулко приложившись о нее красной, разгоряченной от возмущения мордой...

Варнан махнул мне, предлагая продолжать, но я замолчал, пораженный до глубины души. Здесь было над чем подумать. Народ не хотел меня слушать. Он не воспринимал меня. Кажется, меня подвели фигуры речи. Простой народ не любит, когда излишне усложняют... «Будь проще – и народ к тебе потянется!» Так, кажется, говорят.

Я молчал, оторопело наблюдая, как «мои будущие подданные» покидают центральную улицу, совершенно не заинтересовавшись моими воззваниями. Похоже, для народа в Стерпоре не существовало никаких идеалов. Сейчас я убедился в том, что они не испытывают даже уважения к королевской фамилии. Ведь перед ними выступал не кто-нибудь, а потомственный принц дома Вейньет. Да и нынешняя правящая власть, похоже, вызывает у них только отторжение. Может быть, неуважение происходит оттого, что долгие годы в Стерпоре верховодил тупой от рождения герцог Ян де Бонт, интересующийся только красочными нарядами и великосветскими балами, а сменил его безмозглый король Алкес? Вот люди и приучились презирать глупую власть.

Исход народа между тем приобрел массовость... Словно внезапно прозрев, люди стремились убраться подальше от места побоища, пока не налетел отряд «королевских псов» и всех не забрали в кутузку. Они уже не оглядывались на балкон, а просто торопились унести ноги...

В конце концов, на улице остались только я, Варнан, несколько беззаботных уличных мальчишек и пара голодранцев из той малопривлекательной породы, что наполняла столицу Стерпора особым колоритом нищенства и грязи и произвела на меня еще во времена моего детства самое негативное впечатление. Один из них сидел в луже и шлепал по воде ладонью, встречая появление радужных пузырей радостным смехом. Делал он это еще до того, как появился Алкес в окружении доблестной стражи, и продолжал с переменным успехом проделывать сейчас.

Парочка бродяг просто от нечего делать переругивалась, швыряя друг в дружку гнилыми овощами и скатанными из нечистот шариками. А еще один нищий с выражением добродушного слабоумия на лице застыл посреди мостовой и смотрел на меня не мигая, замороженно, словно какие-то силы превратили его в каменную статую короля Георга. Серый оттенок волос и лица дополняли сходство. Клочковатая, спутанная борода бродяги прикрывала немытую шею, седые волосы висели длинными сальными сосульками, между ними торчали, как лопухи, странные уши, также поросшие обильным серым волосом. Одежду нищего составляли грязные лохмотья – судя по покрою, когда-то они были платьем священника или колдуна, но теперь напоминали более всего беспорядочное скопление тряпок. Казалось, он несколько не был озабочен впечатлением, которое этот наряд может произвести на неподготовленного человека. Глаза голодранца горели восхищением. Он был похож одновременно на городского сумасшедшего и религиозного фанатика. Впрочем, одно другого не исключало.

– Спускайтесь, ваше величество, – шутливо крикнул Варнан, – ваш начальник королевской стражи ждет вас, и он тоже, – Варнан кивнул на нищего. – Я же говорил, Дарт, что ты, что вы – король оборванцев.

Он звонко расхохотался, запрокидывая голову. Его смех одиноко прокатился по пустынной улице, эхом отражаясь от стен домов. Я уныло перелез через балконные перила и спрыгнул на мостовую. Нищий в луже внимательно поглядел на меня и хлопнул по воде особенно сильно.

Его резкий крик неприятно резанул слух. «Они словно все издеваются над моей неудачей...» Я ухватился за серьгу и принялся ее дергать, мрачновато посматривая на Варнана.

– Кажется, в Стерпоре меня не принимают всерьез, – после некоторой паузы проговорил я, – и это после великолепного поединка, который мы тут им продемонстрировали.

Мальчишки вооружились палками и теперь прыгали друг на друга, изображая бой на мечях. Сорванцы скакали и тыкали в убитых солдат короля, которых до сих пор никто не потрудился убрать – их тела лежали на залитой кровью мостовой.

– А люди вообще неблагодарные существа, – услышал я вкрадчивый, приятный голос и обернулся: говорил привлечший мое внимание «религиозный фанатик».

– Я заинтригован вашей речью, – учтиво произнес он и слегка поклонился, приложив руку к груди.

– Весьма польщен, – в тон ему и с некоторым удивлением, вызванным его несоответствующим внешности голосом, ответил я.

– Удивлены? – Нищему нельзя было отказать в проникательности. – Я – такой грязный, лохмотья, нечесаная борода – и вдруг говорю как человек высокого сословия...

Я обернулся к Варнану. Судя по его угрожающему виду, мой собеседник пришелся ему не по нутру. Великан глядел на нищего недобро, с недоверием.

– Ты кто такой? – спросил он свирепо. – Я тебя где-то уже видел. Только вот не припомню где...

– Скажите будущему начальнику королевской стражи, – сказал нищий с улыбкой, обращаясь ко мне, – что он может меня не опасаться...

– Чего?! – прогрохотал Варнан, – я?! Тебя?!

– Спокойнее. – Нищий поднял ладонь на уровень груди, что-то шепнул, и лицо моего крепкого спутника мгновенно разгладилось и стало совершенно умиротворенным. – Я только хотел спросить у вас, достопочтенный Дарт, должность придворного колдуна еще свободна?

– А ты что, колдун?

– В некотором роде да. – Он поклонился, приложив два пальца к бороде. – Мое имя Ламас, рад представиться вашему величеству...

– Что же ты умеешь, Ламас?

– Многое... – Он хитро улыбнулся из-под бороды. – Я многое могу, думаю, вы сможете в этом убедиться, если только все будет именно так, как мне сказали звезды...

– Сможешь устроить мне встречу с Алкесом?

– Но вы с ним уже встретились, – его лицо просияло, – это в некотором роде тоже моя заслуга.

– Хорошая шутка, – одобрил я, – нет-нет, мне нужна не такая встреча, я бы хотел, чтобы мы встретились на его территории и спокойно пообщались по душам. Мне кажется, он меня неправильно понял...

– Проще простого, – сказал Ламас, – я сам живу в королевском дворце и запросто смогу вас туда провести.

– Ты живешь во дворце? – недоверчиво переспросил я и покосился на Кара Варнана, но тот пребывал в самом положительном расположении духа – тупо и добродушно он глядел на колдуна с тем самым выражением лица, с каким еще недавно колдун смотрел на меня. Мне даже почудилось вдруг, что несколькими минутами раньше Ламас сам находился под воздействием этого чудесного заклятия успокоения. Возможно, он пользовался им иногда, чтобы ощутить благоприятное расположение духа.

– Дворец – мой дом, – подтвердил колдун.

– Тогда все понятно... А ты, наверное, и есть король Алкес, – поинтересовался я, осознавая, что беседую с сумасшедшим. Выглядел он соответствующе – пылающий взгляд, высокий лоб и рот, который постоянно что-то пережевывал.

– Я не король, – обиделся Ламас, – и рассудок мой в полном порядке, но я действительно живу там, потому что волею судеб знаю, как туда проникнуть, а во дворце имеется множество потайных мест...

– Да? – заинтересовался я.

– Разумеется. Этот дворец строился в старые времена, тогда о герцоге де Бонте, да и о мерзкой фамилии его еще и слышно ничего не было. В те времена борьба за власть была так сильно распространена, что военные конфликты происходили повсеместно и почти постоянно, любому замку просто необходимо было большое количество входов и выходов, потайных помещений, секретных застенков и, наконец, подземных ходов, – тут колдун поднял вверх узловатый указательный палец, – которые могли бы привести в замок и, разумеется, вывести из него. Нужно было только знать расположение этих секретных ходов, иметь их карту, и вы могли чувствовать себя во дворце в полной безопасности.

– А ты их знаешь?

– Я знаю некоторые из них, но и этого вполне достаточно, чтобы жить в королевском дворце и ничего не опасаться...

– И что, тебя там никто не замечает? – поинтересовался я.

– Точно, никто, – подтвердил Ламас, – правда, для этого у меня имеется своя, особенная метода, но, в общем-то, все именно так – я живу в королевском дворце, и меня никто не замечает...

– Понятно, – я кивнул, – надеюсь, ты не врешь, потому что я и так нахожусь в крайне расстроенных чувствах, думаю, ты понимаешь, что если наша беседа вдруг окажется пустым трепом, то я вынужден буду убить тебя, ну чтобы хоть как-то успокоить свои напряженные донельзя нервы...

Ламас вздрогнул всем телом, он сильно испугался моей угрозы, должно быть, воспринял ее всерьез, хотя я просто пошутил – я убивал только законченных мерзавцев, а не сумасшедших стариков.

– Зачем же так... зачем же... я же со всей душой, – забормотал Ламас.

Мне стало его немного жаль, но я был убежден, что с колдунами строить общение иначе нельзя: лучше уж сразу запугать чернокнижника, пока он еще не вышел из-под контроля, уверовав, что имеет над тобой какую – нибудь власть. Чего доброго, попытается потом завладеть моим телом, а то и бессмертной душой.

– Ладно, нечего дрожать, – твердо сказал я, – если сказал правду – будешь жить долго и счастливо, обещаю...

Я повернулся и тронул Кара Варнана за плечо. Великан безвольно качнулся, глупая улыбка растянула толстые губы, полузакрытые глаза были абсолютно пусты, а по подбородку неожиданно потекла тонкая нитка слюны. Судя по выражению плоского лица, в этот момент он был безмерно счастлив.

– Э-э-э, не мог бы ты привести его в чувство, – попросил я Ламаса, – что-то мне не нравится, как он выглядит, слишком счастливый, на мой вкус.

– О, да-да, – засуетился нищий, – сейчас... Просто он несколько нервничал, даже угрожал, ну я и решил, что так будет лучше для всех. Да и мы сможем спокойно побеседовать.

Ламас подбежал к Варнану, сжал длинные пальцы в сухонький кулачок и легонько подул в него. Мне показалось, что с его распахнутой ладони что – то спорхнуло и устремилось к лицу здоровяка. Варнан весь встрепенулся, вздрогнул и вдруг громогласно запел:

– Это страаааанное чувство свобоооооды...

Услышав его сиплый баритон, я едва не подпрыгнул:

– Что это с ним?

– Да, да, да, да, да, да, это я тут чуть-чуть перепутал, пере... перепутал, да, да, да, да, да, да, – затараторил колдун, потом он нахмурил брови и поднял вверх указательный палец, – ветер дует с востока, – пробормотал он, – какое невезение... А ведь еще вчера была пятница.

Похоже, он все-таки ненормальный, решил я, с подозрением вслушиваясь в едва различимый бред.

Ламас, наконец, прекратил бормотать, набрался решительности, приблизился и, выкрикнув что-то нечленораздельное, наотмашь ударил Варнана по щеке. Тот резко прекратил петь, выбросил вперед руку и, ухватив злополучного колдуна за горло, поднял его в воздух.

– Ты что это со мной делаешь?! – взревел великан. – Вздумал мне пощечины отвешивать, подлый старикашка?!

– Паамагит... – прохрипел колдун, он бессильно дергал руками и ногами, а глаза его сначала сильно покраснели, а потом стали закатываться.

Великан тряс его свирепо, всерьез, видимо, вознамерился выбить из живущего в королевском дворце нищего дух.

– Эй, Кар, – потребовал я, – поставь-ка его на землю, он нам еще пригодится.

Варнан посмотрел на меня осуждающе, еще разок встряхнул Ламаса, а потом нехотя отпустил его, бешено вращая налитыми кровью глазами.

– Я тебе еще покажу, – пообещал он.

– Да я же ни в чем не виноват, – выдавил колдун; он кашлял и бил себя кулаком к грудь, потом кашель его стих и он принялся осторожно ощупывать горло, – ты ведь сам все это начал... А я старался только не допустить конфликта, я применил исключительно мирное заклятие. А ты...

– А я?! – Лицо Варнана стремительно краснело. – А ну говори, кто виноват на самом деле, грязный старикашка?!

Видя, что так недолго и до беды, я поспешно встал между ними и обратился к Ламасу:

– Итак, я хочу услышать ответ на вопрос. Мы попадем с твоей помощью в королевский дворец?

– И даже более того, – заверил меня Ламас, потом скорчил обиженную физиономию, – правда, некоторые, похоже, мне не доверяют...

– Ладно-ладно, считай, что ты доказал свою лояльность, он больше не будет, – сказал я. – Что ты хочешь за верную службу короне?

– Меня устроят пятьсот золотых в год, постоянное место жительства при дворце, возможность обзавестись семьей, несколько оплачиваемых из казны помощников, полное содействие в поиске составляющих снадобий, ну и двадцать серебряных монет прямо сейчас, – свои требования колдун изложил скороговоркой, словно они были подготовлены давным-давно.

– Ишь чего захотел, гад! – взревел Варнан и снова потянулся к горлу колдуна. Тот поспешно отпрыгнул. Я поднял руку, останавливая великана.

– Мне тоже кажется, что это слишком, – я был несколько ошарашен аппетитами нового знакомого, – пятьсот золотых! Ну ты даешь!

– Но учтите, за это вы получаете превосходное колдовство. – Ламас поднял вверх указательный палец. – Как, интересно, вы сможете захватить власть, не имея хорошего колдуна? Это невозможно. А народ, кстати, как я тут понаблюдал, не слишком в вас заинтересован... О да, не слишком.

– Пределы тебя побери, этот народ вообще ни в чем и ни в ком не заинтересован, кроме собственной сиюминутной выгоды...

– Не скажите, милорд, – Ламас улыбнулся, – я могу сделать так, что народ вас полюбит. Нужно только рассеять соответствующую ауру, позаботиться о том, чтобы в массы проникли определенные идеи, настроения.

– Да он все врет! – рявкнул Кар Варнан. – Дарт, можно я убью его прямо сейчас? Или хотя бы поколочу...

– А ну-ка заткнись! – свирепо сказал я Варнану и ухватил его за воротник. – Он дело говорит, а ты отныне, раз знаешь, кто я такой, зови меня не иначе как на вы... пора бы уже забыть о запанибратстве... Ты понял меня?

– Понял, – великан огорошенно открыл рот, – я вас понял...

– Ну вот и отлично, а теперь помолчи, пока я разговариваю. – Я обернулся к Ламасу: – Я могу предложить тебе сто золотых в год и три медных монеты сейчас.

– Это даже не смешно. – Колдун запустил худые пальцы в свою жидкую бородавку и принялся оживленно ловить кого-то, потом поймал и раздавил между длинных желтых ногтей. – Мои услуги стоят гораздо дороже. Не просто больше, а намного больше... ну, хорошо, так и быть, я сейчас в затруднительном положении, можно сказать, в чрезвычайно затруднительном, – он словно рассуждал сам с собой, – хорошо, хорошо, будь по-вашему, согласен на четверта золотых и десять серебряных монет сейчас.

– Двести, которые я смогу выплатить по достижении цели, и десять медяков сейчас – это мое последнее предложение. Если ты на него не согласишься, можешь продолжать распространять вокруг не положительную ауру, а зловоние.

– Ну, хорошо, хорошо, – нехотя согласился колдун, – это оскорбляет мое достоинство, но так и быть, я закрою глаза на свое неудовольствие, поступлюсь внутренними принципами и пойду вам навстречу...

– Варнан, выдай ему десять медяков, – сказал я.

– Я?! – Лицо громилы отразило искреннее недоумение. – А почему я?!

– Ну, конечно, ты... я, видишь ли, сейчас несколько на мели, так что мою кампанию по захвату власти придется финансировать тебе. Пока что ты будешь моим казначеем. Надеюсь, не будешь возражать? – Я так сердито посмотрел на него, что он поспешно извлек из кармана кошель. – Но можешь быть уверен, что, как только я стану королем Стерпора, я все тебе компенсирую. Пара алмазных рудников тебя устроит?

– Четыре – будет в самый раз, – резво ответил Варнан.

– Пределы побери, почему вокруг меня всегда собираются исключительно алчные люди? – сказал я и по-думал про себя: ну, четырех ему точно не видать.

– Наверное, такая у вас судьба, милорд, – ехидно заметил колдун, прочитав мои мысли.

Кар Варнан извлек из кармана кошель и принялся пересыпать медь в широкую ладонь, при этом он с явным неудовольствием что-то бормотал себе под нос... Наблюдая эту картину, я вдруг заметил кое-что интересное... Кажется, предмет в руках Варнана был хорошо мне знаком. Эти изящные буквы, кожаные шнурки, тонкая шелковистая ткань... Такие вещи дарят возлюбленным...

– Пределы тебя побери, – вскричал я, – да это же мой кошель, у меня его срезали, когда я только появился в Стерпоре...

– Бывает, – осторожно откликнулся Варнан, продолжая раскладывать на широкой ладони монетки.

– Откуда он у тебя? Вот на нем и вензель мой – буквы Д и В. Дарт Вейньет.

Я протянул руку, намереваясь схватить кошель, но великан поспешно спрятал его за спину.

– Э-э-э, хм, – пробормотал он, – кошель-то, может, и твой, э-э-э, я хотел сказать, ваш, но деньги, которые там лежат, – мои... Я, э-э-э, хм, нашел его, валялся, понимаешь, понимаете ли, на одной из центральных улиц. Ну я и подумал: зачем пропадать хорошей вещице?

– Все ясно, – насмешливо откликнулся Ламас, – да ты попросту вор, дружок. С твоими габаритами ты, конечно, кошель не срезаешь, больше похож на налетчика, но наверняка вхо-

дишь в Гильдию Воров, а кошель тебе достался, когда делили дневную добычу. Я вас, ребята, насквозь вижу...

– Это что, правда, Варнан? – я удивленно вскинул брови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.